

Я КАЖДЫЙ ДЕНЬ ИДУ В «БОРЬБУ»

— Я напишу в Народный фронт! Чтоб Вас сняли с должности! — кричит грузный пожилой мужчина, стоя в двери моего кабинета. Надо сказать, у меня принцип — дверь кабинета открыта абсолютно всегда

Елена Ломакина, главный редактор газеты «Борьба», город Калач-на-Дону, Волгоградская область

КАК Я СТАЛА РЕДАКТОРОМ. ОТКРОВЕНИЕ № 11

ГЛАВНОЕ — ВО ВСЕМ ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ

Если ты редактор районки, будь добр все время быть в доступе — и для сотрудников, и для посетителей. Неудобно?

Когда ты пишущий редактор (все мы знаем, что это такое) — не то слово! Но назвался груздем — вперед! Поэтому дверной проем кабинета в иные дни напоминает бесконечные короткометражки.

В дни полнолуния (ну честно!) — с элементами фильма ужасов. Тогда к нам без конца идут те, кого мы называем политкорректно «осененными»: непризнанные гении, профессиональные жалобщики, энергетические вампиры и просто неудовлетворенные жизненными обстоятельствами люди.

Мужчина, грозящий мне карами людскими и небесными, в данный момент зол и малоадекватен. Он не добился своего и решает припугнуть. А это зря. Знаю за собой одно (уж хорошее или нет) свойство — меня можно уговорить, убедить, разжалобить, но не запугать. Попытки это сделать ведут к обратному эффекту: я закусываю удила — и все, «Остапа понесло». Никогда не сделаю, как хочет запугивающий шантажист, до последнего биться буду.

Но сказанная им фраза вызывает во мне не отпор, как я предполагала сама, а смех. Даже не успеваю его сдерживать. Я вдруг как будто со стороны увидела себя — с утра потратившую сорок минут у трельяжа в заботах о прическе и макияже, но в конце дня взъерошенную и ни разу так и не нашедшую времени хоть глазком глянуть в зеркало, чтобы поправить уже полетевшее ко всем чертям утреннее великолепие. Да какое зеркало! Не то что чая хлебнуть, а хуже — я каждые 20 минут даю себе

Здесь можно
прочитать
мой материал
об очерках

обещание, что «сейчас вот это сделаю и сбегаю в соседнюю дверь дамской комнаты». Но и это — некогда. Вечером только.

Я увидела стол, на котором ершистыми стопками лежат документы, статьи для очередных номеров, планы и графики, флешки и гаджеты, пауэрбанки и колонка, калькулятор и подшивки, «ЖМР» и «С понедельника я писатель», ждущие с сентября, когда все-таки их по-честному дочитают. И король всего этого творческого беспредела — нетбук, грозящий обмороком оперативки из-за того,

что в браузере открыто бесчисленное количество окон и столько же документов Word плюс стопятьсот ждущих ответа сообщений в почте, сетях и мессенджерах.

Увидела будто и свой коллектив, который раньше мог свободно время от времени выпить кофе, а сейчас, когда ни глянь: не отрывая голов от столов и компьютеров трудятся и за себя, и за коллег — находящихся в декрете, уволившихся и еще не появившихся.

Увидела, будто визуализированные, в огромную очередь стоящие проблемы, ждущие срочного решения. Твоего. Единственное, чего не увидела, — очереди желающих получить все это вышеперечисленное великолепие в придачу с моей зарплатой.

И расхохоталась.

Мужчина оторопел. Он не ждал такой реакции. А меня в этот момент будто отпустило:

— Можете даже в ООН написать. Я не боюсь. Я сижу в этом кресле не по знакомству или блату, не за деньги или милость. Я здесь потому, что я люблю свою работу и умею ее делать хорошо, — спокойно, ровно и даже весело вышли слова.

— Да? — удивился посетитель.

— Да, — твердо ответила я.

Этот посетитель, он зовет себя «неугомонный дед», то и дело приносит мне письма с критикой и подковыркой: «Че не напишешь, что газовую трубу ниже человеческого роста над тротуаром протянули? За это наград не дают?». Но он стал уважать газету, приносить интересные рассказы, к Дню печати — тортики, а по осени — спелые арбузы для коллектива. Любимым его чтением стали наши очерки о людях района. Живые и человеческие, которым мы стараемся отдать большую часть газеты.

НУ ТРУБАЧОМ ТАК ТРУБАЧОМ

Предложение написать очерк о том, как я стала редактором, для меня было неожиданным. Я обожаю очерки, безумно люблю работать над этим сложным и особенным жанром. Но писать его о себе...

— Ну ты же говорила, что главное — полюбить всем сердцем героя. Ты себя любишь? — подначил меня в моих творческих муках муж. По жизни он далек от журналистики, но с моей погруженностью в работу знает о ней больше, чем иной мой коллега.

— А то! — отвечаю.

И вспоминаю, как 35 лет назад пришла в журналистику. Я тогда пару лет, как закончила мечтать стать актрисой (ею, кстати, теперь стала моя дочь, ныне актриса «Крас-

Елена Ломакина и губернатор Волгоградской области Андрей Бочаров

ного факела»), и стала мечтать быть диктором на телевидении. Пописывала стихи.

Я жила в городе Куйбышеве (туда Валериана Владимировича в ссылку отправляли как-то, вот и название) Новосибирской области. В тот год недалеко — на Урале — произошла крупнейшая в СССР железнодорожная катастрофа. Погибли люди, много людей.

Мое равнодушное комсомольское сердце это так тронуло, что я написала стихотворение, что-то типа «Поезда неслись в кромешной тьме, роковая встреча приближалась». Родители (мои ангелы-хранители и вдохновители по жизни) посоветовали отнести пламенное произведение в редакцию местной районной газеты «Трудовая жизнь».

Тут, наверное, звезды и сошлись. Я попала в кабинет к заместителю главного редактора Ивану Ивановичу Быкову (светлая память!). Стихотворение опубликовали, он попросил принести еще. Для меня тогда публикация «стишат» в газете была настоящим событием.

У меня уже лежал, хранящийся в семейном архиве до сих пор, вежливый отказ из «Пионерской правды». Им тогда самодельных авторов-подростков публиковать было, наверное, не по формату.

Еще бы! Последнюю (литературную) полосу в 1980-х занимали популярные произведения, мы зачитывались хитовейшим «Лиловым шаром» Булычева. Впрочем, стихотворное свое творчество я продолжила, изредка пишу и

сейчас. Первый сборник стихов «Грустная страница» был выпущен благодаря моим маме и папе. Пишу больше, конечно, любовной лирики. Гражданской немного, но вот любимой профессии не посвятить строк не смогла.

ОТКЛИКАЕТСЯ В СЕРДЦЕ ТВОЕМ

Встречи с Иваном Ивановичем стали регулярными, он начал давать задания написать заметки из школьной жизни. Называли меня тогда «общественный корреспондент», к моей девичьей немецкой фамилии Гаас, мне казалось, надпись эта чудно как подходила.

Первая моя печатная заметка датирована 20.12.1989 — «С меня хватит!». Вырезка хранит на себе печать редакции, поскольку была частью пакета документов для поступления в вуз. Перечитала ее сейчас, улыбнулась. Приятно, что самый первый опубликованный материал — критический, даже с элементами фельетона.

«Каким диктором! Только журналистом!» — настаивал Быков. Сколько бы потом людей ни приписывало себя к сонму моих учителей-практиков в профессии, всегда был только один — Быков. Не знаю, зачем он возился со мной. Может, что разглядел. Но именно он убедил меня в том, что журналистика — моя профессия, и научил любить ее и быть ответственной перед ней. Написал характеристику в вуз. Ближайшим был Томский университет. И здесь звезды снова сошлись.

На зачислении я была 22-й в списке поступивших. Прямо подо мной — черта. Ниже которой те, кто не прошел. И вдруг в процессе зачисления черта сдвигается на пять человек выше. Я — в слезы, а мама, строитель по профессии, в юности мечтавшая быть журналистом, меня за руку — и в кабинет к приемной комиссии: «Как так?». Нам предложили переложить баллы на только открывающееся в этом году заочное отделение журфака. Я тогда не понимала, что не расстраиваться надо было, а молиться, что так вышло. С моими баллами на заочку я прошла только так! И стала фактически «дитем курса».

Ведь кто пришел на первый год существования новой формы обучения в вузе? Такие, как я сейчас!

Опытнейшие редакторы, ответсеки и ведущие журналисты, которые в профессии уже собаку съели (да не одну!), а «вышку» имели по другим специальностям.

Наши сессии — это песня какая-то! С одной стороны — умнейший преподавательский состав, ученые, знавшие и умевшие подать теорию так, что каждое слово запоминалось и учило.

С другой стороны — студенты (у некоторых и седина виски посеребрила), имевшие невероятный опыт практической работы в журналистике. Учеба в таких условиях, лекции — это всегда был диалог между теоретиками и практиками, обмен опытом, дискуссии. Такой невероятной школы профессии я не получила бы ни в каком другом месте!

Одновременно (прямо со школьной скамьи) при поддержке Ивана Ивановича я в без малого 17 лет стала корреспондентом газеты. Здесь получала не только журналистскую закалку, но и нехилую такую школу выживания. Это ведь были те самые 1990-е. Быкова, преданного своим идеям коммунизма, быстро «съели» демократически настроенные коллеги. Двое самых ярких из них были моими соседями по кабинету. Оба относились ко мне как к чему-то несерьезному, презирая мою неопытность и искренне считая, что нельзя работать корреспондентом сразу после школы, надо «лет 10 повкалывать на заводе». Планерки напоминали мини-войны с обязательной критикой материалов коллег, часто определяемой личной неприязнью.

Возможно, в такие моменты я бы и поверила, что журналистика — не мое. Но у меня был ТГУ, где я дышала неповторимым воздухом самой замечательной профессии в мире. К слову, потом оба моих соседа по кабинету открыли свои собственные газеты (и та и другая, как и «ТЖ», существуют до сих пор).

В изданиях своих они воевали не на жизнь, а на смерть. Как оказалось, в буквальном значении. Однажды он заказал ее убийство. Ее не стало, его суд признал виновным, назначил отбывать наказание.

Газету лихорадило. А для меня в профессии снова сошлись звезды. На волне перестройки и технического прогресса в райцентрах стало появляться свое телевидение. Взрослые коллеги относились к идее с опаской, моя горячая молодая кровь звала играть на незнакомое поле. На третьем курсе журфака я уже ощущала себя матерейшей акулой пера и ринулась в... редакторы: «А что ему? Все нипочем: «Ну трубочом так трубочом!» И прям как в этой песне дальше по тексту: «Как хорошо, не надо кланяться...».

Учредителями студий телевидения были предприниматели, заработавшие деньги на волне 1990-х. В журналистике они не понимали от слова «абсолютно», поэтому в редакционную работу особенно не вникали и не вмешивались. Я могла (какое же чудо!) реализовывать любые свои проекты и идеи, опробовать все профессиональные

методики и инструменты, которыми щедро снабжали сессии в университете. Но и ответственность неси сам. Было приятно, что нашу активно-продуктивную работу заметили и на областном телевидении, стали поручать задания, особенно важные сюжеты озвучивать на монтаже ездила сама (райцентр находится от столицы Сибири в 335 километрах).

Что же представляла из себя тогда районная студия телевидения? Арендованные три комнаты на втором этаже благополучно умершего Дома быта на окраине города, закрепленный у потолка и свисающий вниз дерматин — наш задник (как он эпически горел, когда однажды случился в студии пожар. В момент возгорания, хорошо помню, я как раз говорила в камеру о годовщине смерти Влада Листьева). Мы начинали на VHS, постепенно приобретая по частям Super VHS и глядели с завистью на BetaCam-ки областников. Поначалу нас было двое, я и оператор, затем взяли еще одного оператора. Сначала были только новостные программы, затем мне стало в них тесно, добавила информационно-аналитические, тележурналы, затем и собственные литературно-художественные.

«Добрый вечер! В эфире...» — и так пять лет. Каждый вечер — и в будни, и в праздники. Что называется, «...в Горках знал его любой, старики на сходку звали, дети попросту гурьбой, чуть завидев, обступали...».

У нас был очень лояльный и благодарный зритель. Каждый день слышать с телеэкрана про земляков, видеть их — это такая невероятная диковинка! Через пару лет люди перестали шарахаться от камеры на улице во время любимых мною экспресс-опросов. А я обрела невероятную веру в себя, потому что свои работы в качестве практики везла на сессии и получала грамотный и такой полезный разбор полетов и от преподавателей, и от однокурсников. Я понимала, куда дальше двигаться в профессии, какие искать ориентиры, как четко закрепить каждый изученный жанр на практике.

Более всего из тех лет мне запомнился как жанр рассказ. Это не тот, что из разряда «художественный». Это тот, что из разряда «ну очень публицистический». То есть история есть, а возможности написать про нее — нет. И ты пишешь рассказ. Изменяя фамилии героев, но оставляя фактуру. И не придержишься: это же, простите, художественное произведение, вымысел, так сказать, автора. А по истории-то все узнают, что про что. И правду можно рассказать, и подлеца назвать подделцом.

Первый мой редакционный коллектив — газета «Трудовая жизнь»

Так я смогла рассказать правду о травле своего школьного учителя. Ее уже к тому времени все-таки убил рак, спровоцированный стрессами. В тот день я хотела бежать к ней, сказать, что я поступила на журфак, но мама прозвонила и сказала: «Ты не ходи к Галине Павловне, ее больше нет». После выпускного учитель рассказала о своей беде, завершив наш разговор словами: «Я буду жить!». Так я и назвала рассказ.

А потом погиб мальчик из соседнего подъезда. Он был старше, мы не общались особо. Но помню его и сейчас — рыжий такой Женька. Он ехал на велосипеде, и его сбил мчавшийся на машине парень. Парень был из непростой семьи, ну вы понимаете. То, что виновный избежит заслуженного наказания, подкосило родителей Женьки еще больше. Страшно было видеть их горе. И я не смогла смотреть на него молча. Я снова написала рассказ.

Это было что-то! Редакторы, даже официальных изданий, на волне 1990-х бились за читателя сенсациями, и мой редактор этот рассказ поставил в печать. Город стоял на ушах. Может быть, обошлось потому, что мне на тот момент еще не случилось 18 лет.

Диплом «Современный тележурнал для женщин» я защищала на примере собственного детища «От Елены». Уже тогда меня волновало все, что связано с историями земляков, а особенно — землячек, с женскими судьбами. Писать было непросто. И у меня был самый жесткий критик: «У Блиновой на пятерку не защитишься», — обреченно махали рукой однокурсники. Но чем

жестче были замечания моего руководителя, чем чаще я переписывала-переделывала вновь и вновь главу за главой свою дипломную работу, тем глубже и интереснее становилось исследование.

И расквашенный о непривычную задачу нос меня не останавливал, а заставлял упорно идти дальше. Помню, редактор отправил меня на тогда еще работавший завод автозапчастей написать материал к профессиональному празднику машиностроителей.

Картина случилась ожидаемая: меня провели по цехам, дали характеристики лучших работников. Что могло получиться на выходе у начинающего журналиста, не обладающего еще умением заканцеляренные материалы превращать в творческие?

То и получилось. Редактор в гневе перечеркнул текст и отправил по новой на завод другого корреспондента. Не передать какой я тогда испытывала стыд. Нет, не перед коллегами. Перед теми людьми, с которыми я общалась. Я тогда понимала лучше редактора, что есть деловая репутация, и понимала, как нельзя учить профессии молодых. Что ему мешало сразу направить двоих на задание — начинающего вместе с опытным коллегой? Не знаю. Зато точно теперь знаю, как не надо журналистике учить.

Позже на этом же заводе я оказалась на практике с редактором местного радио Татьяной Апариной. Было мне интересно попутно с газетным освоить и радиное мастерство. Я слушала, как коллега вела интервью, и была в восторге от нее, удивляясь — как она может так грамотно и плавно вести разговор, знать, какие задавать вопросы, разбираться во всем, не прерывая нить беседы.

К огромному опыту в профессии у нее выработалось умение вести беседу под запись, а значит — дубли и косноязычие под запретом. Такому и надо было учиться у радищика, газетчики часто в этом проседают. Логике построения текста, кстати, очень хорошо научили в университете.

Так что можно его грамотно выстроить, даже если не совсем понимаешь в той теме, по поводу которой текст. Это очень помогло, когда довелось по молодым годам подрабатывать написанием курсовых. И юристы, и бухгалтеры, и другие сдавали мои за ночь сработанные курсовые на хорошие отметки. А когда мне этот заработок уже не понадобился, сокрушались: «А как мы без Вас обучение закончим?».

Прием наставничества Татьяны я запомнила и использовала потом сама уже со своими молодыми коллегами. По

дороге на интервью объясняла теоретические основы происходящего. На материале обеспечивала возможность наблюдать и участвовать в разговоре; на обратной дороге в редакцию обозначала главные вехи и моменты разговора — как и куда пошел, когда случился доверительный контакт, какие слова можно брать для загов и подзагов, где надо было заметить важные цитаты, от чего и к чему можно плясать при написании материала. Затем давала диктофонные записи коллеге расшифровывать. Этот, казалось бы, бессмысленный и монотонный труд помогал начинающему автору еще раз понять — что, как и почему происходило в момент интервью. Затем давала возможность написать самому и только после этого редактировала.

При редактировании материалов у нас тоже есть свое правило. Если я понимаю, что вношу принципиальные правки, я сохраняю свою версию отдельным файлом рядом с пометкой в названии «ред.». Тогда начинающий журналист должен открыть оба документа и сопоставить. Если смысл и суть правки непонятны — прийти и спросить. Итог процесса — неременная рефлексия в сторону профессионализма. Работало! Очень быстро при таком способе тот, кто еще тройку месяцев был далек от журналистики, но изначально «поцелован Богом» как надо, начинал хорошо писать. Еще через пару месяцев их материалы не стыдно было отправлять на профессиональные конкурсы...

В1997-м меня пригласили на работу в пресс-центр администрации. Пресс-службы — это было свежее веяние времени, и я не смогла удержаться от того, чтобы изучить новые аспекты профессии. На телевидении к тому времени все уже было выстроено и понятно. На учебу по обмену опытом нас отправили в Омск.

Ох, какие они были молодцы! Пресс-служба работала просто феерически. Я бы их тогдашних и сейчас всем поставила в пример. Глава говорил на планерках сотрудникам: «Когда вы мне отчитываетесь о своей работе, я считаю, что вы ничего не сделали. Что вы сделали, я буду узнавать из прессы».

А эти милые их социальные рекламы на удаленных от центра улицах: «Мы не окраина, мы начало города!». Вернулась я окрыленной, засучила рукава и взялась за работу. Готовила пресс-релизы для СМИ (все-таки на один райцентр три газеты, две телестудии). Там я реализовала в себе постоянно живущего внутри Кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!». И организовывала

для всех балы прессы у главы по случаю профессионального праздника.

Приходили! Те, кто в профессиональной жизни отчаянно дрались за аудиторию и сенсацию, мирно выпивали на церемонии бокал шампанского, обменивались колкими, но приемлемыми шуточками и, даже оппозиционные журналисты (!), получали награды и поощрения. Коллега — если профессия для тебя действительно свята — это особенный человек.

А КОНИ ВСЕ СКАЧУТ И СКАЧУТ, А ИЗБЫ ГОРЯТ И ГОРЯТ

В 2000 году мы (я, муж и наша полутороговая дочь) по семейным обстоятельствам переехали жить на родину мужа — в Калач-на-Дону Волгоградской области. Телевидения здесь никогда не было и быть не могло. В силу особенного рельефа местности организация «эфирки» обходилась бы нереально дорого.

Когда я пришла к главному редактору районки, он отнесся ко мне прохладно, изучил мою трудовую книжку и скептически произнес: «Куда ж я тебя возьму. С таким послужным списком только на место редактора». Как я поняла потом, ни у него самого, ни у кого из коллектива профессиональной «вышки» на тот момент не было, а тут сидит какая-то пигалица, а у нее словами «редактор» просто пестрит трудовая.

«Нет вакансий», — был вердикт. И тут опять сошлись звезды. Я решила познакомиться с коллегами и открыла наугад одну из дверей в редакции. Я попала сначала в кабинет, а потом в душу к очень особенному человеку — Юрию Ивановичу Сумину. Будучи уже умудренным опытом, он славился тем, что и как журналист, и как человек покровительствовал всем местным талантам — художникам, поэтам, любым на достойном уровне творящим искусство людям.

К разговору подключился и ответственный секретарь Владислав Филиппович Хлюстов (когда он уходил на пенсию, его стаж работы в «Борьбе» составлял 40 лет). Со старой гвардией редакции мы поговорили о журналистике и искусстве, о жизни. И я им, что называется, зашла.

Через два месяца Сумин засобирался на пенсию. Учитывая его непростой характер, редактор особых возражений не имел. Сумин сказал: «Я уйду, если возьмешь на мое место эту девочку. Она должна работать в профессии». С 18-го мая 2000 года я работаю в своей теперь уже горячо любимой «Борьбе».

Когда уже влюблен в героя очерка

В редакции я «зашла» не всем. Были попытки указать молодой да ранней на место. Но меня уже такие ветра до этого закаляли, что отпор дать могла. Своими информационными источниками я обросла быстро и крепко. Помогали и железно соблюдаемые принципы этики журналиста, впитанные на любимом журфаке, и сибирский характер. На казачьем Дону все больше люди закрытые да к тебе приглядывающиеся. Я же привыкла жить с распахнутой миру душой и дружелюбной коммуникабельностью, как все сибиряки.

Я искренне, всем сердцем полюбила наш донской край, так что многие теперь и не помнят, что я не местная, считают настоящей казачкой.

С главным редактором мы нашли общий язык. Ему, по-видимому, импонировали мои кипучая энергия, настрой участвовать в конкурсах и организовывать масштабные всевозможные редакционные акции.

Ох, как трудно было привыкать после телевидения к газетной строке. А как же эмоциональная составляющая — без мимики, интонации и жестов?! Стала искать пути все выразить просто текстом, раз единственным выразительным средством являются слова. До хрипоты спорила с корректором — слова переставила в предложении не потому, что не знаю норм русского языка, а потому что так надо, чтобы подчеркнуть то, что важно, что я хочу донести!

Меня назначили воспитывать подрастающее поколение — редактором приложения для подростков и молодежи «Донской прибор». Это было новое, а потому безумно

интересное дело. Раз в неделю к нам приходили школьники, я делилась с ними практическим опытом, преподавала теорию, мы создавали четыре полосы в месяц молодежного контента.

Когда форма обучения переставала работать, я искала новую. После школы юнкора мы открывали в редакции школу блогера, сейчас в рамках профильного образования мы открыли Медиацентр на базе 7-го класса школы № 1.

А потом в «Борьбу» пришел новый редактор. Не знаю зачем. Журналистику он не знал, но что самое страшное — не любил. Видеть, что происходит с любимой редакцией, было невыносимо. Бороться — бесперспективно. В итоге я, будучи уже заместителем редактора, ушла из районки. К тому времени у нас был небольшой семейный бизнес, и муж, понимая, что без журналистики я задыхаюсь, поддержал в создании собственной газеты. 16 полос еженедельного полноцвета — «МОЯ РАЙОНКА» (именно так, капсом, и зарегистрировала название). Выпускала с корректором и верстальщиком на удаленке, позднее — с девочкой-помощницей. Печатались мы в Волгограде (75 км от Калача) на типографии «КП». Всю неделю я носилась по району, строчила материалы, в четверг до ночи был дедлайн. Когда я приходила после него домой, я просто падала на кровать, не могла ни говорить, ни есть. По щекам катились слезы — и все. Никому об этом не рассказывала, вам первым.

Такой степени усталости я не ощущала никогда в жизни. Муж и дочь понимали и поддерживали как могли. Утром в пятницу мы с мужем ехали в Волгоград, забирали свежее печатанный тираж, возвращались домой и до ночи развозили газету по рознице и подписке. С субботы начинался сбор материала на новый номер. Так прошло два года. Власть вынуждена была считаться с изданием, люди его любили. Но потянуть нашим бизнесом выпуск газеты и дальше было нереально. Я поняла: мы потеряем семейное дело и останемся без средств для поступления дочери в вуз. Траты предстояли немалые: театральные институты с их многотуровой системой поступления требовали хороших вложений на дорогу и проживание в других городах. И я прекратила выпуск газеты. Что значило для меня ее убить, словами не передать. Чтобы не думать о своем прощании с журналистикой, которая прошла через 25 лет моей жизни, с головой окуну-

лась в семейный бизнес. Не прошло и полгода, меня пригласили к главе района. Будучи родом из этих мест, он успел получить хорошее образование, стать грамотным экономистом, набраться опыта управленческой работы.

Мы не были к тому моменту знакомы. Но глава, разобравшись во всем, расстался с прежним редактором и по каким-то только ему ведомым причинам предложил возглавить «Борьбу» мне.

Это был нестандартный ход, бывалые чиновники недоверчиво покачивали головами: «Кто ушел из системы, в нее не возвращаются». Но глава и сам был нестандартным — он не боялся неудобного, имеющего свое мнение сотрудника, он ценил в подчиненном профессионализм.

«Вы пойдете в моей команде?» — спросил глава. «Если будут острые ситуации, жалобы людей, мы будем замалчивать или объяснять читателям ситуацию?» — прямо спросила я. «Мы будем объяснять», — твердо ответил глава. — «Я пойду в Вашей команде».

И я вернулась в свой коллектив — побитый ветрами, местами предавший и продавший, местами выжидающий и наблюдающий.

Я собрала коллег и сказала: «Работа в своей газете помогла мне понять главное — так жалко тратить время на интриги, выяснение отношений и прочую ерунду. Время надо тратить на созидание. На нашу газету. Начнем все с чистого листа».

И я с головой окунулась в любимую работу. Восстанавливали финансовое положение. Разрабатывали с нуля локальную документацию, учились современным подходам, воспитывали новые кадры, редилайнились, создали сайт и пошли в социальные сети.

Против последнего тогда, в 2015—2016-м, мои коллеги особенно роптали: «Мы газетчики, Елена Андреевна, зачем нам это?» Я чувствовала: надо, очень надо!

Через два года работы над современным образом газеты рискнули заявиться на всероссийский конкурс изданий, где учитывалось в комплексе все — и содержание, и форма. Вошли в число победителей.

Благодаря этому я, приехав на награждение, узнала Сергея Мешавкина. Перед началом всех мероприятий к нему можно было подойти со своим изданием, и он устраивал разбор верстки и дизайна, при этом давая советы не только по форме, но и по содержанию.

Чрезвычайно полезным стало участие в конкурсах СЖР. Когда я готовила на них заявки, даже и не подозревала,

что так будет. Сбор материалов приносил осмысление работы, на которое обычно не хватает времени; победы — веру в свои силы и желание творить дальше; участие на этой волне в Форуме «Вся Россия» — бесценный опыт общения и путь к новым знаниям; «ЖМР» — и вовсе кладезь полезнейшей информации от коллег.

За всей этой важной суетой от всех, кроме своей семьи, я скрывала страшную, просто ужасную тайну. За два года работы на износ в своей газете я... отравилась журналистикой. Короткие заметки, легкие информационные жанры в силу опыта писались на автомате. А вот дальше — пусто.

Я учила других, редактировала, но пропустить историю через себя и сердце, чтоб написать, как надо, не могла. Это было страшно. Я так боялась, что не смогу больше писать никогда.

ОСТАНОВИТЕСЬ, ЧТОБ УВИДЕТЬ ДУШУ...

Но отошла, оттаяла. Спасибо людям. Нет, увы, возможности назвать всех, кто стал надежным союзником и помощником, кто поддержал и помог, кто полюбил и оценил.

В первую очередь, это моя первичка СЖР. Я создавала ее заново. Она оказалась одной из крупнейших в области. Меньшая ее часть — это штатные сотрудники, остальные — внештатные авторы. Сплотить вокруг районки всех, кто долгие годы шел с ней рука об руку, дать им повод для гордости — быть членом Союза журналистов, окрылив на новые высоты творчества — это было правильно.

Они у меня знаете какие!

Самобытные тексты каждого из них, органично вплетаясь в насыщенный контент районной газеты, безусловно, возбуждают интерес читательской аудитории.

И когда, гремя шашкой, почти упираясь высокой папахой в верх дверного проема, в полной казачьей справе возникает в двери Пал Палыч, и когда, обращая ко мне, приветственно протягивает руки навстречу с невероятно доброй и светлой улыбкой отец Димитрий: «Леночка, здравствуйте...», и когда в трубке слышу быстрое на бегу «Привет, Лен!» от Олега — каждый раз благодарю судьбу, что есть в моей жизни все эти необычные, чудесные люди.

Невозможно сделать районную газету весомой и значимой, если у редактора нет эффективного контакта с

Победа во Всероссийском конкурсе на лучшее журналистское произведение Союза журналистов России

ведомствами, службами, структурами, организациями, действующими на территории, с работающими в них людьми — той самой невероятной силой, благодаря которой район живет и развивается.

Прежде всего это наши несгибаемые аграрии. Получить их одобрение просто за красивые глаза невозможно, можно только заслужить уважение качественным трудом, доказать, что можешь пахать без передышек на все сто. На своем поле, со своим хозяйством, но — пахать! И чтоб урожай у тебя был — в своих единицах показателей, но был!

Очень удачно (ну как не вспомнить про сходящиеся время от времени звезды!) по-новому обозначилось журналистское сообщество области, когда несколько лет назад региональное отделение СЖР возглавил Вячеслав Игоревич Черепяхин.

Энергичный, деятельный, современный, дипломатичный и профессиональный, он изменил вектор с формализма на реальный профессионализм, перенаправил работу с бумажек на живых людей.

Я многое писала и говорила о необходимости участия в журналистских конкурсах, в том числе районщиков — в федеральных. Но самое главное, что мне дало участие в конкурсах — даже не победы, хотя горжусь каждой, особенно победой во Всероссийском конкурсе на лучшее

журналистское произведение. Самое главное — конкурсы привели в мою жизнь очень важных людей, обогативших мой мир общением и опытом, открывших новые горизонты для творчества и свершений.

Родным и близким стал мне Союз женщин России. Я и подумать не могла, что такому статусному человеку, как Екатерина Филипповна Лахова, будет дело до журналиста небольшой районки. Наше сотрудничество — яркое, эффективное, насыщенное — очень ценно, тем более теперь, когда мне доверен статус амбассадора Союза женщин. Я горжусь, что теперь имею отношение к двум СЖР..

Я ОБРАЩАЮСЬ С ТРЕБОВАНИЕМ ВЕРЫ И С ПРОСЬБОЙ О ЛЮБВИ

Существует ли жизнь после работы? Жить только работой, даже самой любимой и самой замечательной, невозможно. Человек должен быть счастлив в семье. Возможно, мне легко так считать. У меня всегда были (и, слава Богу, есть, пусть так будет как можно дольше) замечательные, любящие родители. Мне повезло более 30 лет назад встретить свою настоящую половинку (ну, вы знаете — звезды сошлись).

Я нахожу время поддерживать мужа в его больших проблемах малого предпринимательства, а он всегда рядом, чтобы: отвезти на материал (редакционная развалюха, выпрошенная мною у главы КФХ по случаю ее предполагаемого списания, дай Бог, чтоб газеты-то развозила исправно); сфотографировать инфоповод, пока я колдую с диктофоном; быть первым ценителем моих строк; да много что еще. Мы часто пересекаемся по работе и всегда вместе отдыхаем.

Сейчас, если муж заходит в аптеку или магазин один, фармацевты и продавцы недоумевают: «А что это вы без жены?»

У нас замечательная, талантливая дочь. Пока она росла, все наши внерабочие часы были посвящены ей: мы возили ее по педагогам — сначала вокала, потом актерского мастерства, по вокальным конкурсам. Потом все втроем ездили полгода поступать в «щепки-щучки» — любые вузы от Москвы до Саратова с приличной актерской школой. Поступили в Ярославль — без блатов и денег, только трех девочек в тот год взяли на бюджет на ректорский курс, среди них — Алина.

Закончила дочь институт с красным дипломом, три года служила «Бенефису» в Ельце (трижды получила награду «Актриса года»), теперь — «Красному факелу» в Ново-

сибирске. Сибирь позвала ее обратно. Теперь я не стою за кулисами. Когда мне доводится бывать на спектаклях, в которых играет дочь, я сижу в зале и очень горжусь.

А мы, осиротев после отъезда дочери, нашли новое семейное увлечение. Уезжаем на выходные (когда позволяют обстоятельства) — и летом, и зимой — на малую речку, где нет людей и связи. Вдвоем рыбачим, топим походную баню, казаним и мангалом, сидим вечером у костра, молчим и общаемся. Очень такая поездка помогает после истерзанной стрессами недели за два дня выходящих к понедельнику вернуться на работу человеком, способным вновь жить и творить. Летом на пару недель на своем «Прогрессе» обязательно ходим в сплав по Дону. Тоже вдвоем.

ПЛЫВУТ ПАРОХОДЫ — ПРИВЕТ МАЛЬЧИШУ!

Мало кто сегодня понимает, какой невероятный объем работы вывозит сейчас редактор. Многие не выдерживают — уходят. Жаль, когда им на смену приходят люди, ничего не понимающие в журналистике вообще и в районной в частности.

Остаются лишь самые упорные и преданные делу. Этакие Мальчиши-Кибальчиши: «Эй, вставайте, кто еще остался! Только бы нам ночь простоять да день продержаться». Что могу сказать — держитесь, коллеги!

За моей спиной на стене рабочего кабинета не осталось свободного места от дипломов и прочих наград. Процентом семьдесят из них — всероссийские. Кто-то ерничает: «Дальше будешь на потолок вешать?» Кто-то искренне недоумевает: «Зачем тебе это?»

Особенно те, кто хоть раз прошел этот путь и понимает объем и груз вложенного труда. Признаюсь, по большому счету дело не столько в амбициях. Дело... в протесте. Каждой победой, каждой наградой я протестую против множества процессов, которые сегодня происходят с журналистикой, убивая ее — профессиональную, честную, призванную служить людям, а не обсуживать чьи-то интересы.

Это будто мой ответный выстрел в гадкие шоу, чиновничий политический менеджмент, нищету районов и ужасные с точки зрения профессии сюжеты, порой проходящие по федеральным телеканалам. «Привет Мальчишу!»

Публикуется в сокращении.

СПРИНТЕР НА МАРАФОНСКОЙ ДИСТАНЦИИ

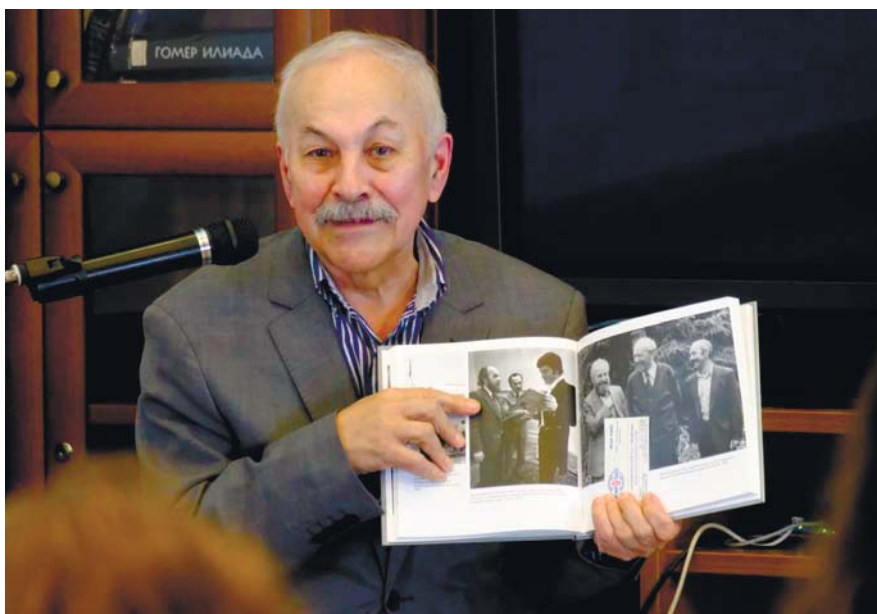
Шведские репортеры, как французские балерины, уходят на пенсию в сорок лет.

Об этом я с изумлением узнал, когда в 1990-е годы в составе группы питерских журналистов гостил в Стокгольме и побывал там в редакциях нескольких газет. И когда я сказал шведам, что у нас в Петербурге работает репортер с почти 60-летним стажем, они решили, что это шутка. Такой урок профессионального долголетия преподал нам легендарный радиожурналист Матвей Львович Фролов, в память о котором в городе открыта мемориальная доска

Олег Сердобольский, обозреватель ИТАР-ТАСС по вопросам культуры, город Санкт-Петербург

Но вот с тех пор прошло еще три десятилетия, и я вдруг поймал себя на том, что сам приблизился к такому же рубежу, поскольку работаю с ТАССе с 1966 года. Как это случилось, не могу даже толком объяснить. Но точно знаю, что ТАСС — это мой родной дом, где мне и теперь работать интересно. Агентство держит меня в тонусе и продлевает мой журналистский век. Возможно, секрет тут в том, что я никогда не чувствовал себя рабом агентства, хотя в нем действительно существуют довольно жесткие правила игры. Есть строгие стандарты в подаче новости, в ее оперативности и фактологической точности.

Но по мере долгой жизни в профессии я сформулировал для себя такой парадоксальный афоризм: «Репортер — это спринтер на марафонской дистанции». Почему спринтер? Потому что это профессия предельно быстрого реагирования.

Почему марафон? Потому что в этой профессии обидно сходить с дистанции. Самое интересное в ней — это долгая жизнь, когда ты изнутри воспринимаешь события, пропускаешь их через себя, складываешь собственную панораму времени. Кроме того, всем своим младшим коллегам я не устаю

повторять — будьте шире ТАСС, выходите за рамки должностных обязанностей. Я всегда придерживался такой стратегии.

За эти годы у меня вышло два десятка книг — толстых и тонких, в прозе и в стихах, для взрослых и для детей.

Три из них: книга «Одна секунда войны» и двухтомник «ТАСС уполномочен рассказать», написанные в соавторстве с моим коллегой и другом Виктором Ганшиным, — оказались по-особому важными, потому что посвящены работе военных фотокорреспондентов в блокадном Ленинграде и более чем вековой истории старейшего государственного информагентства России. Чтобы такое написать, надо было стать частью этой истории.

Из того, что удалось сделать за эти годы, вспоминается мой авторский вестник «ДНИ» («Досье Необязательной Информации»), выходивший в петербургской редакции ТАСС на рубеже веков. Он делался исключительно из новостей без слова «сегодня», лежавших как бы на обочине информационного потока. Но они и теперь читаются с большим интересом и, пожалуй, говорят о том времени больше, чем информация обязательная. Особенно интересны там были информации из серии «Репортер идет по городу».

Еще мне всегда хотелось расширить эмоциональную палитру тассовской ленты. И у меня в этом жанре было немало новостей с улыбкой. Особенно мне помог в этом проходивший в Петербурге фестиваль сатиры и юмора «Золотой Остап».

Помимо чисто репортерской работы, я стремился выкроить

время для авторских рубрик «Автографы в антракте» и «Байкомат Олега Сердобольского», которые в общей сложности более двух десятилетий вел сначала в газете «Санкт-Петербургские ведомости», а потом в «Невском времени». Часть этих материалов сложилась затем в книгу «Автографы в антракте», вышедшую с рисунками моих героев. Мечтаю теперь издать и «Байкомат» — как взгляд на летопись нашей культуры, воплощенный в динамичном жанре «историй из жизни».

Ну а за книги детских стихов отдельное спасибо трем моим дочкам и четырем внукам. Все эти веселые опусы посвящены им и написаны для них, а потом уже и для всех других детей. Особый подарок преподнесла мне моя младшая дочка Ярослава, музыкант с консерваторским образованием, сочинившая на мои стихи более пятидесяти песен. Большинство из них вошли в репертуар созданного ею коллектива «Фонтан.Чик».

Если дети воспринимают мои слова как свои, значит, песня удалась. И поэтому я всегда с волнением жду каждой премьеры. Некоторые наши песни разлетелись по всей стране. Их поют в детских садах, в школах, на фестивалях. И мне это нравится, потому что, когда песня отрывается от своих авторов, это знак ее признания.

СЕРДОБОЛЬСКИЙ ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ

● *Родился во Владивостоке 15 мая 1944 года. Выпускник журфака Ленинградского университета. С 1966 года — корреспондент ТАСС. Живу и работаю в Петербурге. Заслуженный работник культуры России (2000). Главные сферы деятельности — журналистика, детская поэзия.*

Среди профессиональных наград:

- *Звание «Легенда российской журналистики» премии «Золотое перо России» Союза журналистов РФ (2024).*
- *медали ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени.*
- *премия Союза журналистов СССР за книгу «Одна секунда войны» (1984, совместно с Виктором Ганшиным).*
- *премия Союза журналистов России — за книгу «Вольный сын эфира» (1997, о ветеране ленинградского радио Матвее Фролове).*
- *Лауреат репортерской премии имени Матвея Фролова в номинации «За верность жанру».*
- *Обладатель премии «Самый артистичный журналист» конкурса «Золотое перо» (2002).*
- *Лауреат премии «Золотое перо» за книгу «Ваш Андрей Петров» (2012).*
- *Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области печатных средств массовой информации (2005).*
- *Лауреат международного поэтического конкурса, посвященного 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина (Нью-Йорк, 1999).*
- *Автор поэтических сборников и поэтических книг для детей*
- *Лауреат На стихи*
- *О. Сердобольского написано более 200 музыкальных произведений.*
- *Лауреат произведений. С 2015 года по приглашению нобелевского лауреата Жореса Алферова работал в основанном им Академическом университете. Написал книгу «Жорес Алферов. Ревнуня к Копернику... Последний монолог» (2020, московское издательство «Красный пароход»).*

У меня в жизни было много профессиональных отличий, к которым я всегда относился спокойно. Потому что самое главное — не пользоваться какими-то старыми заслугами, а жить в профессии так, как это умел делать, к примеру, Василий Песков. Мы учились на третьем курсе Ленинградского университета, когда он пришел к нам не с лекцией, а просто со своими

размышлениями о профессии. В тот год он стал лауреатом Ленинской премии за книгу «Шаги по росе». Его имя гремело. А он и по облику своему, и по поведению был необычайно скромнен.

Одна моя сокурсница в конце встречи подошла к нему с блокнотиком, попросила автограф. Василий Михайлович, которому было тогда 34 года,

смутился от такой просьбы и убедил девушку, что журналистам раздавать друг другу автографы как-то неловко.

В те годы среди отличий в нашем творческом Союзе еще не было номинации «Легенда российской журналистики».

&

И тут я заревела: «Как же мои врачи будут без меня, а я — без них?»

Мне было лет 13, когда к нам в Ленинград в гости приехала знакомая журналистка из Карелии. Я ее не знала раньше, мне просто родители сказали: «**Приедет гость. Она, кстати, журналист. Если ты думаешь о журфаке, посиди с нами. Может, будет интересно**»

Марина Бойцова, руководитель отдела «Город» газеты Правительства Санкт-Петербурга «Петербургский дневник»

На церемонии «Золотое перо России — 2024» Марина Бойцова получила премию «За профессиональное мастерство»

КАК МНЕ СТАЛО ИНТЕРЕСНО

Я о журфаке особенно не думала, хотя писать любила всегда. Сочинения, какие-то рассказы, стихи, как все юные влюбленные девочки. Еще я очень любила буквы и слова. Мне нравилось их искать,

переставлять, когда от удачного перестроения фраза начинала менять смысл.

Но вот чем может заниматься журналист в 1980-х годах, я совсем не думала. Видела их разве что в программе «Время» и читала статьи в «Ленинских искрах» и журнале «Ровесник».

Поэтому в планах была или медицина, так как папа — врач, или что-то, связанное с филологией.

Но та журналистка рассказывала какие-то удивительные истории, говорила о встречах с известными людьми, звучали таинственные слова «верстка», «гранки».

И я подумала: «Почему бы нет?» И не поступила. Ни на первый, ни на второй раз. И пошла работать машинисткой в очень известную тогда в Ленинграде многотиражную газету обувной фабрики «Скороход» — «Скороходовский рабочий».

С нее, кстати, начинали очень многие известные впоследствии журналисты. Печатала чужие тексты и очень хотела написать свой. Чтобы увидеть не чужое, а свое имя на газетной полосе. И написала. Это была статья о выпускном спектакле «звездного» выпуска нашего ЛГИТМиКа (Ленинградского государственного института театра, музы-

ки и кинематографии) «Ах, эти звезды!».

Том самом выпуске, с которого начались блестящие карьеры группы «Секрет», Максима Леонидова, Ирины Селезневой.

В редакции, видимо, поняли, что я что-то могу, и перевели из машинисток в корреспонденты. Я собиралась писать и дальше про звезд, но пришлось писать про тонкости обувного производства, передовиков труда и успехи предприятия. Но ничего — все равно мое имя было в газете, а по фабрике я гордо ходила с красной книжечкой «Пресса».

ТАКОЙ ВОТ «ЧАС ПИК»

Как же меня и мою подружку Машу, тогда уже студентку журфака ЛГУ им. Жданова, гоняла в хвост и в гриву наш ответственный секретарь Наташа Иванова!

Она была опытной, жесткой и умной, прошла через какие-то суровые многотиражки то ли Сахалина, то ли Камчатки.

И нас, 18-летних ленинградских «припевочек», она учила не себя любить в статье, а тех, о ком статья написана.

Но поняла я это гораздо позже, придя в 1995 году в считавшуюся тогда крутейшей газету «Час пик» (впоследствии ставшей «Петербургским Часом пик»). Это был разгар 1990-х, тот самый «бандитский Петербург». В редакцию «Часа пик», считавшуюся настоящей народной вольницей, реально приходили бандиты, каждый со своей це-

лю. Поскольку большинство из нас были людьми честными, то бандиты в основном приходили напугать и «порешать», — чтобы про них не писали. Или, наоборот, написали. Были случаи весьма острые.

Мне было поручено заниматься защитой прав потребителей — модной тогда темой. Писала про

лохотроны с БАДами и прочие «гербайфы», про обманутых дольщиков, лишенных пенсий стариков, про качество товаров и услуг.

За одну из статей про якобы чудодейственное лекарство от рака, а на самом деле очередную небезопасную биодобавку была удостоена федеральной журна-

листской премии «Искра». Но постепенно газетный формат перестал удовлетворять владельцев издания. Наталия Чаплина (Черкесова) создала информационное агентство «Росбалт», куда многие из газетчиков, в том числе и я, постепенно перешли.

«Час пик» закрылся. Он выполнил свою миссию, отвечая духу времени. В нем работали лучшие журналисты Санкт-Петербурга. И даже сейчас, общаясь в профессиональных кругах, выясняется, что практически каждый второй из журналистов моего поколения так или иначе был тесно связан с этой знаковой газетой Петербурга 1990-х годов.

ВРЕМЯ «ПЕТЕРБУРГСКОГО ДНЕВНИКА»

Я никогда не работала в официальном правительственном СМИ. А «Петербургский дневник» — это официальная газета Правительства Санкт-Петербурга. Смольнинский «боевой листок», как его раньше называли. До 2014 года, работая в основном в либеральных СМИ, я его даже не читала. Но 2014 год стал годом перемен, в том числе в нашем с мужем (тоже журналистом) восприятии окружающего мира. Для него знаковой стала командировка в восставший Крым, где он лично увидел то, что называют Крымской весной. Ну и я «подтянулась». Конечно, в Смольном я бывала и раньше, писала и про чиновников, и про успехи в «боевой и

политической». Но у правительственной газеты специфика, безусловно, есть.

Однако мне переход дался максимально безболезненно. Видимо, потому, что в очередной раз повезло с редакцией. Кстати, за всю мою многолетнюю журналистскую карьеру мне всегда очень везло с редакциями. Мы пришли в «Дневник» практически одновременно с главным редактором Кириллом Смирновым. Молодой и креативный, он сразу обозначил приоритеты, дав нам всем понять, что правительственная газета не означает, что она должна быть скучной.

Моя тематика немного поменялась. Я стала плотно заниматься социалкой — темой не очень благодарной, вечно всеми попускаемой и прокливаемой, но, говоря объективно, в Петербурге достаточно успешно развитой. Родная сестра социалки — система здравоохранения — мне была и раньше близка и достаточно понятна, поэтому ощущала себя довольно комфортно. А потом началась пандемия COVID-19.

МОЯ КРАСНАЯ ЗОНА

Это звучит ужасно, но я благодарна пандемии. Она открыла то, что до нее я сама в себе открыть вряд ли бы могла. Я очень хорошо помню, как в ноябре 2019 года один из моих любимых героев публикаций — тогдашний главный врач Клинической инфекционной больницы С.П.Боткина Алексей Аветианович Яковлев — ответил на

мой вопрос о том, чем они, инфекционисты, сейчас занимаются, ответил: «Готовимся к эпидемии коронавирусной инфекции. Она к нам придет, и она будет страшной».

Я отмахнулась: «Подумаешь, вирус какой-то!». Это, напоминаю, был ноябрь 2019 года. А через пару месяцев все началось. В марте редакцию перевели на удаленку. Нам сделали удостоверение, что мы передвигаемся по городу в силу служебной необходимости. И мы передвигались в пустом метро, по пустым улицам, пытаясь получить хоть какую-то информацию от «информированных источников». Мы видели вереницы скорых у городских стационаров, я звонила знакомым врачам, которые сообщали, что они всем отделением закрыты на карантин на две, три недели, и они сами не понимают, что происходит. Потом начали умирать врачи. Среди них были и мои знакомые, и герои моих публикаций. Я чуть ли не каждый день писала о вновь заболевших и умерших, в том числе медиках. К чести наших руководителей, никто из медицинского начальства не скрывал информацию. Нас пускали в нековидные больницы, которые приняли на себя весь поток пока еще не заболевших больных. Я видела, как врачи дезинфицируют дефицитные респираторы, которые должны быть одноразовыми, поливая их антисептиком и кварцуя у ламп. Как с прижатыми к ушам двумя телефонными трубками договариваются, что «мы вам — 15 СИЗов, а

вы нам — ИВЛ на сутки».

Весной 2020 года я очень хотела и очень боялась идти в красную зону. Официального запрета не было: хочешь — иди. Но первый раз пришлось себя уговаривать, напоминая самой себе про журналистский долг. Я бы не смогла писать про ковид, если бы там не побывала.

И мы пошли, строго соблюдая инструктаж и все правила дезинфекции. Пронесло — никто не заболел. После этого походы в красную зону стали очень частыми, почти рабочими.

ВРАЧИ — ГЕРОИ

Медицину и медиков я уважала всегда. И всегда с удовольствием про них писала, но пандемия приоткрыла мне дверь в их достаточно закрытую от посторонних глаз касту. Не секрет, что медики журналистов не слишком жалуют — и не только за «желтые» истории про «врачей-убийц».

Слушая их рассказы, пытаюсь вникнуть в термины, едва сдерживая вместе с ними слезы, смеясь и восторгаясь, я начала понимать их мир изнутри. Чтобы не облажаться и донести их мнения, истории, открытия в максимально точном изложении, я согласовывала с героями публикаций каждый, абсолютно каждый текст до запятой, хотя и не всегда была обязана это делать. Но мы с ними понимали, что тогда миллионы обезумевших от пандемийного ужаса и полного непонимания того, что происходит, читателей могут получить информацию только от нас,

журналистов. Читателям надо было рассказывать все, и максимально правдиво, причем устами специалистов, а не своим оценочным мнением.

Неоценимый вклад в это информационное сопровождение внесли лучшие петербургские врачи и медицинские чиновники, которые регулярно выходили на брифинги, практически никогда не отказывались от интервью и всегда брали телефонные трубки несмотря на чудовищную занятость.

Они тоже понимали, что люди хотят знать, что происходит. Практически все главные врачи и просто врачи всех петербургских стационаров и научных учреждений вели себя в высшей степени достойно, терпеливо объясняя, рассказывая и пытаясь успокоить.

А я при этом увидела изнанку их героической работы. Как в 35-градусную жару из СИЗа доктора, вышедшего из красной зоны, потоком льется пот, а перчатки выглядят опухшими сосисками от наполнившейся в них жидкости, как теряют сознание медсестры, не имеющие возможность ни попить, ни пописать, как оперируют экстренного больного хирурги, надевая по две пары перчаток и пытаясь хоть что-то увидеть через запотевшие очки.

Я навсегда запомню страшный тихий шум «вентиляторов» (аппаратов ИВЛ) ковидной реанимации и героические попытки медиков вытянуть с того света очередного уходящего...

Я тогда встретила с огромным количеством медиков — от глав-

врачей до медсестер и санитарочек, от студентов и ординаторов медицинских вузов, героически рвавшихся в красную зону, до волонтеров, развозящих продукты и медикаменты изолированным старикам.

И я очень благодарна своей редакции за то, что каждая история находила не просто реализацию в бумажной газете и на нашем сайте, но мои коллеги всегда старались ее подать, оформить максимально точно и ярко, по-хорошему творчески.

Наша газета выходила практически без перерывов, и каждый день тысячи петербуржцев могли взять ее на стойках в метро или в государственных учреждениях и узнавать о том, что происходит в городе и в мире.

Однажды был короткий момент, когда я вдруг решила уйти из газеты в PR. Набравшись смелости, я сказала об этом начальству... и тут же начала реветь.

И с причитаниями «Как же мои врачи будут без меня, кто же про них будет писать!» я тут же передумала и осталась.

ЛЮБОПЫТСТВО И НЕРАВНОДУШИЕ

Пандемия закончилась, а мои любовь и восхищение медицинскими работниками остались. Не могу сказать, что я стала сугубо медицинским журналистом — пишу о многом, как и остальные коллеги. Известная фраза, что журналист должен быть дилетантом и понемногу разбираться во всем, подключая экспертов в нужной области, в какой-то степени не лишена смысла. Но вопрос, видимо, в любви и в инте-

ресе. Мне может понравиться и врач, и строитель, и нянечка в хосписе, и чиновник. Ключевое — «понравиться» и «заинтересовать». Если это случится, диалог состоится и материал будет. Потому что большинство людей — люди умные и адекватные. И если они видят искренний интерес к ним и к их работе, тогда все получится.

На днях я читала лекцию на журфаке нашего Санкт-Петербургского государственного университета. Неожиданно для меня увидела, что студенты хотят писать не о гламуре и звездах тик-тока, а, например, о медиках. Меня очень удивило, что они вообще хотят писать — я думала, это уже исчезающая профессия.

Отвечая на их многочисленные вопросы, я и для себя сделала кое-какие выводы о том, как стать хорошим журналистом. Надо быть любопытным и не-

равнодушным. Надо интересоваться всем, что рядом с твоим героем. Как он моет руки перед операцией, что делает, чтобы очки не запотевали, покажет ли, как выглядит бактерия в микроскопе, кто его ждет дома?..

Надо замечать детали и вообще быть наблюдательным. Почему на его хирургической шапочке рыбки и зачем он ездит на работу на велосипеде?

Не стесняться просить объяснить то, что непонятно. Это лучше, чем накосячить, используя непонятные термины. А лучше вообще обходиться их минимумом, потому что читать это будут неподготовленные люди.

Согласовывать материал, даже если боитесь, что все ваши гениальные фразы будут безжалостно вычеркнуты. Потому что доверие и уважение спикера важнее красивых слов.

Даже если верстка «горит», а редактор бегает по потолку, отби-

ваясь от типографии, текст все же лучше согласовать все равно. Порядочный спикер все сделает вовремя. А они у нас, напомню, в большинстве своем порядочные.

Еще надо иметь хорошие отношения с пресс-секретарями. Не подставлять их, но и не давать садиться себе на шею.

Хороший пресс-сек всегда поможет хорошему журналисту.

И наоборот.

Еще мне студенты задали интересный вопрос: как писать о том, что неинтересно и даже неприятно? Я задумалась. Из любого неинтересного всегда можно сделать все же интересное, отыскивая те же детали или найдя какой-то нестандартный ход.

Из всего этого складывается репутация журналиста. А это, наверное, самое важное.

&

«Важно не «бронзоветь», а быть в поиске»

10 ВОПРОСОВ САМОМУ СЕБЕ. ТЕТ-А-ТЕТ № 109

1. Журналистика — это...

— Наверное, это прозвучит смешно и глупо, но мне трудно однозначно ответить на этот вопрос. Вроде уже и всероссийское «Золотое перо» получил, и ответственную должность занимаю, и, как говорится, не первый год замужем. Но...

Мое отношение к профессии — я в ней с 17 лет, сейчас мне 31 год — со временем меняется. Изначально это была просто фиксация происходящих событий. Сейчас журналистика стала для меня не только отражением, но и преобразованием, моделированием окружающей действительности. Но тут важно не «бронзоветь», а быть в поиске. Поэтому в будущем, может быть, я додумаюсь до чего-нибудь и поумнее.

2. Почему Вы пошли в журналистику?

— Я бы спросил не почему, а почему. По родительским стопам! Моя мама всю жизнь работала на телевидении. Отец тоже. Поэтому после школы я поступил на журфак Санкт-Петербургского госуниверситета и проучился там два с половиной года. А потом — так вышло — бросил учебу и устроился работать в газету. В редакции познакомился с будущей супругой, тоже журналисткой.

Максим Сю, первый заместитель главного редактора газеты «Петербургский дневник», город Санкт-Петербург, лауреат звания «Золотое перо российской журналистики»

Такая вот у нас династия. Сейчас дети, два сына, подрастают. Старшему уже почти 11 лет. Посмотрим, чем займется.

3. Кого из героев материалов Вашего издания (программы) Вы помните и почему?

— Встреч с интересными людьми было много. Хорошо помню, как ездили на дачу к легендарному академику Игорю Спасскому записывать интервью к его 90-летию. Или как пили кофе с Тиллем Линдеманном в гостинице на набережной Мойки. Или как я гнался по Невскому за Павлом Дуровым...

Да много всего было!

Но сильнее остальных мне запомнилась история юной петербурженки Дианы Савенковой. Летом 2018 года она подработывала аниматором и оказалась прикована к инвалидной коляске после того, как на нее из-за ураганного ветра рухнули строительные леса с арки Главного штаба. Пятнадцатилетняя жизнерадостная девочка...

Редакция «Петербургского дневника» приняла участие в судьбе Дианы, помогла ей. Держим с ней связь и сегодня.

4. Вы считаете себя свободным от самоцензуры?

— Нет, не считаю. Но! Я не вижу ничего плохого в самоцензуре. Цензура — это плохо. Факт. А вот разумные самоограничения, на мой взгляд, должны в работе присутствовать. Почему? Потому что безграничные возможности мешают творчеству. Был такой психолог, Барри Шварц, и он писал: «Научиться выбирать — трудно. Научиться выбирать грамотно — еще труднее. А научиться выбирать в мире безграничных возможностей — еще труднее, возможно, слишком трудно». Полностью согласен.

5. Что (или кто) помогает не терять веру в себя и в профессию?

— Не терять веру в себя помогают близкие. Не терять веру в профессию — сохраняющийся к ней интерес. Очевидный факт: медиа развиваются и меняются. Интересно быть участником этого процесса.

6. Если не журналистика, то... или Где Вы еще можете принести пользу?

— Трудный и забавный вопрос. В первую очередь хотел бы принести пользу на том месте, на котором нахожусь сейчас. То есть в издании «Петербургский дневник». Ну а если пофантазировать... Хотя нет. Фантазия у меня работает слишком хорошо. Лучше промолчать. Не будем создавать шок-контент.

7. Как Вы отдыхаете?

— С семьей, больше никак. 90% своего времени я провожу на работе. К сожалению (или к счастью), по-другому в журналистике нельзя. Сначала трудно. Потом привыкаешь. И в какой-то момент это начинает нравиться.

8. Какие хулиганские поступки Вы совершали в детстве или юности?

— Свой самый «хулиганский» поступок я совершил 11 марта 1993 года. В тот самый день, когда родился. Надо было обладать смелостью, чтобы появиться на свет в такое непростое время...

9. Ваше самое яркое воспоминание?

— У меня вся жизнь — одно большое воспоминание! То яркое, то мрачное, то снова яркое... Эта палитра меняется и пе-

реливается, как бензиновая лужа. Конкретные события — и хорошие, и плохие — помню все. Но гораздо рельефнее в памяти отпечатываются целые периоды. Вот юность была классной. Хотя и сейчас неплохо. Жаловаться не стану.

10. Ваши любимые: книга, фильм, песня, блюдо, напиток?

— Мои любимые книги написаны Сергеем Довлатовым. Любимые фильмы сняты Алексеем Балабановым. Любимые песни сочинены Александром Башлачевым. Если отмечать что-то отдельно, то из книг это «Мастер и Маргарита». Не устаю перечитывать. Из музыкальных групп — «Король и Шут». Вырос на их музыке. Блюда и напитки? Вкусные, поднимающие настроение...

Владимир Корнев —
главный редактор
журнала «Смоленск»,
город Смоленск

ЧЕЛОВЕК-ЖУРНАЛ

Просто уму непостижимо, как в течение четверти века я ежемесячно обеспечивал подготовку примерно тридцати иллюстрированных цветными фотографиями статей!

В пятом классе я стал пионером. Вскоре нам дали первый наказ: подписаться на молодежную газету — или на «Комсомольскую правду», или на «Смену». Я выбрал областную газету и с первого номера оценил, что редакция охотно публикует ответы на вопросы читателей.

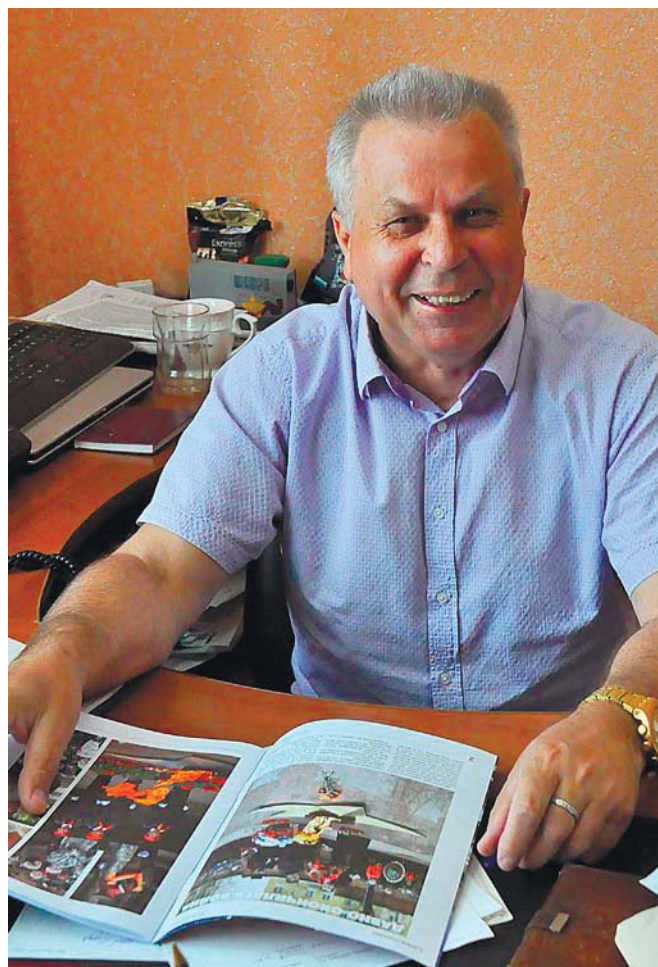
Попросил напечатать слова песни Владимира Высоцкого «Братские могилы» («На братских могилах не ставят крестов»). И надо же, в одном из ближайших номеров моя просьба была выполнена, а на бланке редакции я получил ответ.

Это окрылило. Решил послать в «Смену» заметку о нашем Клубе интернациональной дружбы. И произошло чудо — ее опубликовали! И почти без правок! Так я в 12 лет проторил дорожку в редакцию. Стал получать задания, исполнять их. Заведующая отделом учащейся молодежи Светлана Крупенькина разбирала со мной тексты, указывала на стилистические неточности, объясняла, как излагать мысль.

В 14 лет я уже выезжал в командировки в районы области с заданиями написать статьи о работе комсомольцев, об их трудовых буднях. Однажды в Починковском районе в одном из хозяйств встретил молодого дояра Ваню Проклова.

Ему было всего 15 лет, его мама работала на ферме, и парень после восьмилетки тоже подался в дояры. Вскоре получил наивысшие на ферме надои молока по своей группе, и взрослые величали его исключительно по имени-отчеству — Иваном Петровичем. Я написал очерковую заметку о молодом животноводке. Утром, когда моя статья должна была появиться в газете, я поспешил в редакцию.

А навстречу — легендарный фоторепортер Андрей Лукашенко, друживший с самим Юрием Гагариным.

Андрей Иванович как закричит на всю округу: «Сегодня родился журналист!» Я в недоумении стал озираться по сторонам.

Оказалось, что мэтр имел в виду меня: он несколько минут назад прочитал статью и высоко оценил ее.

Эта похвала от человека, который мне представлялся чуть ли не небожителем, окончательно определила выбор будущей профессии. После окончания средней школы я твердо решил поступать на факультет журналистики МГУ.

Его окончила и моя наставница Светлана Крупенькина. Она запричитала: «Посмотри на меня и на моего мужа — мы остановились на уровне рядовых сотрудников областных газет и не имеем никакой перспективы по карьерному росту.

МГУ дает приличное общее развитие кругозора, но, увы, не учит журналистике. Журналистом можно стать только в общении с людьми, когда ты едешь в командировки, узнаешь новое».

Стали мы со Светланой Ивановной рассуждать, какое образование мне как будущему журналисту больше подойдет, и пришли к выводу, что надо поступать на факультет иностранных языков.

После института я стал штатным корреспондентом областной газеты «Смена», отслужил в армии и через год вернулся в редакцию уже заведующим отделом пропаганды и культуры.

По жизни я часто добрым словом вспоминал Светлану Крупенькину: благодаря ее совету хорошо освоил немецкий и английский языки, часто бывал в зарубежных поездках, даже дважды проходил длительные практики в газете немецкого города-партнера Хагена.

Своих **наставников я боготворил.** В «Смене» работал ответственным секретарем Евгений Щербаков, который в юношестве попал под поезд, потерял обе ноги. Но выжил, получил высшее образование и стал прекрасным журналистом.

В газете «Рабочий путь» в сельхозотделе трудился другой мой наставник — Владимир Никитин. Разносторонний человек, был чемпионом области по бегу на коньках, учился в техническом вузе с космонавтом Пацаевым.

С Владимиром Федоровичем мы часто вместе ездили в командировки. Он, горожанин, в совершенстве изучил сельскохозяйственное производство, давал мне первые практические уроки, как проверять готовность техники к новому сезону, какие вопросы задавать животноводам. Эти познания пригодились, когда в областном радиокomitee мне вдруг поручили возглавить сельхозотдел.

Так случилось по жизни, что в 25 лет я чуть не стал редактором «Смены», совершенно не зная о планах начальства на это назначение. И человек, которого я считал другом, стал плести в коллективе против меня интриги.

Его отец был чиновником в одном из районов, снабжал секретаря обкома по идеологии домашними продуктами, а в ответ секретарь захотел отблагодарить сыночка должностью. Мой бывший друг стал редактором, а я ушел на областное радио, куда меня давно звали.

Благодаря такой перемене в жизни я познал профессию не по верхушкам, как в молодежной газете, а основательно. Так что благодарен недругам за такой поворот судьбы.

Кстати, к 80-летию бывшего партийного секретаря один мой коллега принес в редакцию очерк об этом человеке. Несмотря на личную неприязнь к доставившему мне неприятности партийному бонзу, я опубликовал статью о нем.

После выхода журнала тот позвонил, благодарил и калялся, что много лет назад совершил по отношению ко мне неблагоприятный поступок. Воистину, врагов надо бить добром.

Редактором я все-таки стал! Сначала создал первую в истории Смоленска телевизионную студию при мэрии и еженедельно выходил в эфир с часовой аналитической программой «Добрый вечер, Смоленск!». Затем создал журнал «Деловая Смоленщина», учредителями которого стали Союз промышленников и предпринимателей, торгово-промышленная палата, ЦНТИ и городская администрация. Спустя год исчерпал себя на этом поприще. Хотелось учредить журнал, в котором освещались бы вопросы не только экономики, но и культуры, краеведения.

Глава администрации города Иван Аверченков, с которым у меня за многие годы сложились дружеские отношения, предложил выпустить первый номер за свой счет, а потом он покажет его губернатору, и городская администрация начнет оказывать журналу финансовую помощь. Но сначала нужно было показать товар лицом!

5 мая 1999 года, на мой любимый советский День печати, в свет вышел первый номер ежемесячного общественно-политического журнала «Смоленск».

● **Владимир Евгеньевич Коренев родился 12 сентября 1954 года в городе Смоленске. Окончил факультет иностранных языков СГПИ (сегодня — Смоленский госуниверситет).**

● **Работал корреспондентом и заведующим отделом пропаганды и культуры областной молодежной газеты «Смена», специальным корреспондентом областного радио, ведущим программ «Добрый вечер, Смоленск» и «На службе Родины».**

● **Возглавлял бюро научно-технической информации и пропаганды агропрома Смоленской области, работал помощником мэра города Смоленска и одновременно организовал первую в истории города телевизионную студию.**

● **Работал главным редактором журнала «Деловая Смоленщина». Учредил областной ежемесячный журнал «Смоленск», первый номер которого вышел в свет 5 мая 1999 года.**

● **Трижды становился лауреатом Всероссийского конкурса журналистов «Правда и справедливость», стал лауреатом Международного конкурса имени М.В. Исаковского, награжден Почетной грамотой Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.**

● **В 2024 году ему присвоено почетное звание «Золотое перо российской журналистики»**

Просто уму непостижимо, как в течение четверти века я ежемесячно обеспечивал подготовку примерно тридцати иллюстрированных цветными фотографиями статей!

Да еще деньги надо было добывать на печать журнала, потому что после смерти Ивана Александровича Аверченкова покровителей у меня не осталось.

Это и неудивительно: журнал вел журналистские расследования, разоблачал коррупционеров, а это не нравилось властям предрежащим.

При губернаторе Маслове был даже совершен рейдерский захват редакции, а почти весь тираж номера с критикой главы региона неожиданным образом исчез.

Это отдельная, большая для меня тема. Отмечу только, что, благодаря редактору «Московского комсомольца» Павлу Гусеву, адвокату Анатолию Кучерене и их коллегам по Общественной палате России, удалось приструнить губернатора, который вскоре был отправлен в отставку, и возобновить вы-

пуск журнала. Правда, сначала я должен был учредить журнал под другим названием — «Новый Смоленск».

И сегодня у меня два зарегистрированных СМИ: «Смоленск» и «Новый Смоленск». Один раз в год вынужден осуществлять совместный выпуск двух журналов, чтобы «Новый Смоленск» не лишился регистрации.

Как, наверное, уже поняли читатели, я являюсь своего рода человеком-журналом. Редактор-одиночка.

В штате редакции одно время состояли по одному-два штатных корреспондента, но это был короткий период времени. В основном рассчитывал на коллег из других редакций, которые охотно мне помогали за гонорарную оплату.

Сегодня и гонорары ушли в небытие. Хотя находятся авторы, готовые публиковаться без оплаты их труда. Да и сам я, как говорится, легок на подъем.

Сегодня журналистика в провинции, на мой взгляд, потеряла блеск и высокий уровень профессионального мастерства авторов. Это что касается печатной продукции.

Среди телевизионщиков еще появляются время от времени звездочки, но их число незначительное. Причина, наверное, в том, что рынок и коммерция не заинтересованы в выращивании ярких журналистских кадров. Для удовлетворения незначительных потребностей в рекламе вполне достаточно «серого» уровня, материалов «под диктовку».

Работа редактора продолжается и днем, и ночью. Очень часто даже на отдыхе начинаешь обдумывать не только сюжеты будущих публикаций, но и управленческие решения как руководитель СМИ. Они связаны в основном с поиском финансирования, продумывания проектов, которые должны позволить журналу продержаться на плаву.

Считаю, что редактор должен ценить прежде всего индивидуальность авторов. Я всегда был категорическим противником так называемой вкусовой правки.

Возможно, на мою позицию повлияла бывший главный редактор областного радиокomiteта. Прекрасная женщина, грамотный журналист, организатор,

но поразительно любившая вставить свое слово в чужую статью. Меняла, например, без всякой надобности слово «только» на слово «лишь» или наоборот. Когда я работал над чужими текстами, всегда вспоминал ее и свое внутреннее возмущение «художествами» главного редактора.

И еще всегда старался поддержать инициативу авторов. Скажем, обращаются они с просьбой об интервью к человеку, которого я не уважаю. Но автор этого не знает. А я делаю вид, что он сделал правильный выбор.

Когда редактор «узурпирует» власть и определяет каждый шаг членов своего коллектива или нештатных корреспондентов, он перестает быть хорошим редактором. Это моя твердая позиция, которой я следую многие годы.

Когда вынашивалась идея создания журнала «Смоленск», я мечтал создать на его страницах трибуну, на которой высказываются различные мнения, ведутся дискуссии. Но со временем отказался от желания публиковать «всех подряд».

К сожалению, в нашем обществе еще сильны тенденции по использованию прессы в политических целях или для интриг, разборок с конкурентами. Даже самый опытный редактор не всегда распознает за высказыванием оппонентов меркантильные цели, желание поквитаться с недругами.

Большинство СМИ сегодня работают в социальных сетях. Вот и журнал «Смоленск» ведет сайт journalsmolensk.ru, являющийся фактически электронной версией печатного издания. Постоянные читатели к нему привыкли.

Считаю, что, несмотря на ухабы журналистского пути, вечную борьбу с недоброжелателями и за финансовое выживание, моя жизнь сложилась счастливо.

Я люблю свою работу и живу ею. Никаких других хобби нет и быть не может. Супруга, дети и внуки уже привыкли к тому, что для их близкого человека на первом месте в жизни — работа.

Родственники поддерживают меня. Жена, например, зачастую является первым читателем черновиков будущих статей. Она — мудрый человек, и к ее советам я часто прислушиваюсь.

«После вмешательства журналиста всегда что-то должно измениться к лучшему. Как после приёма врача»

10 ВОПРОСОВ К САМОМУ СЕБЕ. ТЕТ-А-ТЕТ № 110

Андрей КАНАВЩИКОВ

Выступление в библиотеке

В ТИК идет жеребьевка по распределению печатных площадей в газете

1. Журналистика — это...

— Это слишком много всего, чтобы можно было вобрать «это» в одно слово. Профессия? Но она же включает в себя и совершенно параллельные, другие профессии — психолога, исследователя, волонтера...
Летописец? Но часто выдавать тексты приходится столь быстро, что качество написанного самому не

очень нравится. Служение? Но хватает здесь и рутины, и совершенно проходных материалов. Все та же проклятая скорость!

Мне думается, что адекватнее всего отражает суть журналистики врачебное дело. Мы — врачи, социальные терапевты. Мы помогаем обществу увидеть и услышать само себя.

Этак ходит общество, маяется, то голова у него болит, то живот... После вмешательства журналиста всегда что-то должно измениться к лучшему. Как

после приема врача. Не меняется? Значит, или врач не тот, или лекарства пока не подействовали.

2. Почему Вы пошли в журналистику?

— Формально журналистику я не выбирал. В детстве хотел быть писателем и, чтобы «понять жизнь» специально после школы пошел в ПТУ и шесть лет работал фрезеровщиком, вникая в тонкости рабочего ремесла.

Свой первый роман «Призвание Рюрика», напечатанный в журнале «Север» в 1997 году, я писал на рабочей тумбочке. Жужжит станок, молодой энергии немеряно...

Но тогда же я вдруг понял, что лучше чем-то конкретно помочь людям (правильно составить жалобу к чиновнику или обращение в газету), чем терять время на «фантазии вообще».

И лучше добиться решения какого-то отдельного вопроса, очень важного для конкретного человека, чем рождать посредственное художественное произведение, нечто «одно из». Чем больше живешь, тем принцип «нон-фикшн» кажется мне притягательнее.

Если не готов сделать что-то АХ! — гениально и лучше всех, то, может, тогда и браться не нужно?! Сколько выпускается среднего читива! И, может, душеполезнее сделать что-то конкретное для людей, чем попусту базарить ни о чем?!

- **Андрей Борисович КАНАВЩИКОВ** родился 5 июля 1968 г. в г. Великие Луки Псковской области. Работал фрезеровщиком 4 разряда на радиозаводе и в КБ «Микрофон», редактором радиовещания, заместителем редактора газеты «Радиоволна» на радиозаводе, ответственным секретарем еженедельника «Старая крепость».
- В 1994 году окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. В 1995 году принят в городскую газету «Великолукская правда» наборщиком текстов на компьютере. В дальнейшем — литсотрудник, заведующий отделом промышленности. В 2003 году назначен главным редактором газеты.
- В дальнейшем, в связи с разделением газеты — ответственный секретарь, директор — главный редактор МУП «Издательство «Великолукская правда», главный редактор газеты «Великолукская правда Новости». С 2019 года — заместитель главного редактора АНО «Редакция газеты «Великолукская правда».
- Автор 49 книг стихов, прозы и публицистики.
- Заслуженный работник СМИ Псковской области.
- Золотое перо России — 2024.

Отец, пожарный техник по профессии, очень хотел видеть меня машинистом поезда. И когда понял, что его мечта мне не близка, дал наказ: «Хорошо. Писателем так писателем. Но обещаю тогда, что будешь лучшим».

Нужно соответствовать. Каждая из 49 моих книг, смею надеяться, не написана просто так, для простого самолюбования или, прости Господи, «самореализации», а чего-то хорошего в нашей жизни прибавляет.

Хлеб-соль на Кургане Дружбы

Награждение победителей лотереи-подписки

Интервью
с А. Прохановым

Интервью
с Э. Успенским

Выезд по жалобе
жильцов
аварийного дома

Читаю стихи
в рок-баре

Праздник
в краеведческом
музее.

На аэродроме
перед полетом

3. Кого из героев материалов Вашего издания (программы) Вы помните и почему?

— Помню, наверное, всех, с кем работал. Хочешь не хочешь, но, чтобы получился нормальный результат, всегда нужно выкладываться и кусочек себя отдавать. Скажете: «Пафосно говоришь, цену себе набиваешь...»

Но иначе просто не получится. Да, по именам и фамилиям всех своих героев не помню, но если дать время и некоторые подсказки памяти, то в душе живы все обстоятельства написания каждой заметки.

С одинаковым интересом всегда общался хоть с высокими начальниками, хоть с бомжами. Мне все люди изначально интересны. Да, потом начинают разные тонкости, симпатии, но так, чтобы кого-то считал приоритетным объектом, а кого-то — проходным, упаси Боже!

Вспомнил сейчас, как получил в 2009 году Международную премию «Чернобыльская звезда» за материалы о чернобыльцах, когда они были еще в основном живы и говорить о них было немодно. Так один читатель газеты от себя подал объявление, оплатил его и поздравил меня с наградой! Я и забыл про него, а он помнил! И таких помнящих всегда много. Для меня это, может, всего лишь коротенький эпизодик, а люди всю жизнь его помнят.

4. Вы считаете себя свободным от самоцензуры?

— Не считаю самоцензуру чем-то зазорным. Так или иначе, но какие-то ограничения в журналистике всегда должны быть, и лучше пусть это будет твой личный нравственный выбор, чем воля дежурного мешка.

Микрофон, протянутый к плачущей жертве теракта или природной катастрофы, смакование деревенской нищеты или пьянства, когда люди просто поставлены обстоятельствами в свои скудные рамки, считаю по определению недопустимыми. И крайне не люблю дурачить людей, подыгрывая их заблуждениям и незнаниям.

Например, их проблема имеет определенный алгоритм решения и решена по существующему законодательству может быть исключительно опре-

деленным образом. Некоторые же журналисты полагают, что они вправе эмоционально подыгрывать людям, выпустить пар, поддакнуть им, что «начальники дураки», что «их обманывают».

В итоге решения проблемы нет, только крики, только эмоциональный градус растет.

Это неправильно! Любое вранье, манипулирование не приемлю. Да, могу и я что-то не понимать, в чем-то заблуждаться...

Но прийти в бедную русскую семью и запускать в их проблемы палец, ковыряться там и умничать — для меня не приемлемо. Равно как неприемлем и неряшливый русский язык для материалов. Здесь только жесточайшая самоцензура!

5. Что (или кто) помогает не терять веру в себя и в профессию?

— Отчасти люди, которые друзья. Но иногда и друзья могут не понимать. Бывало, коллеги и подставляли, и предавали, и доносы строчили...

Кажется, все потеряно. Но тогда остается вера. Мне повезло. Семья не была фанатично верующей, но вера всегда занимала у нас серьезное место.

Отец даже начальником отказался быть, чтобы не вступать в КПСС и не хулить тем самым Бога.

Сейчас молодые люди иногда думают, что при СССР коммунисты только и делали, что закрывали церкви и гнобили священников.

В моем советском прошлом вера всегда была рядом и была уважаема.

У нас дома были иконы, все хранили свои крестильные крестики. На виду иконы не стояли, мало ли кто домой заглянет, но молитва — реальная сила.

Убеждался в этом не раз.

6. Если не журналистика, то... — или Где Вы еще можете принести пользу?

— Если получается легко ответить, то, значит, с вашей журналистикой что-то не так. Самого этого выбора быть не должно. Есть сомнения — значит, и в профессии своей сомневаетесь.

Хотя в детстве я любил биологию, особенно генетику, и по примеру своего дядьки мог стать военным хирургом.

Но что сложилось, то и сложилось.

Во время весеннего месячника по благоустройству

С журналистами хотят общаться все

7. Как Вы отдыхаете?

— Если выдается время, люблю спать.

8. Какие хулиганские поступки Вы совершали в детстве или юности?

— Как-то так получалось в детстве, что по строящейся пристройке к школе бегает весь класс, а попался почему-то я один. Задумался. Подумал, что делать всегда нужно не то, что кто-то еще делает, а то, что именно для тебя важно. Потом жизнь была достаточно бурной. Под машину попадал, тонул... Но я всегда старался, чтобы не было, как тогда: бегают все, а попадаюсь только я. Не надо так бегать. Или вообще такого не надо.

9. Ваше самое яркое воспоминание?

— Мой идеал, когда большая семья собирается за общим столом. Все пьют чай, разговаривают, и всем хорошо просто потому, что они вместе. Бережно храню в себе эти частички семейного, душевного общения. Люди должны быть вместе, и им должно быть хорошо!

10. Ваши любимые: книга, фильм, песня, блюдо, напиток?

— Невозможно нашу жизнь впихнуть во что-то единственное. Интересы и сама жизнь ситуационны. Единственна только семья, потому что ее по большому счету не выбираешь. Там работает не голова, а прочие физики и химии.

Там же, где есть выбор, он всегда достаточно условен. Тем не менее любимой книгой назвал бы «Преступление и наказание» Достоевского — потрясен, как на пространстве весьма простенького сюжета можно создать целый образ душевного становления.

Любимый фильм — «Вечный зов». Все, с одной стороны, понятно, близко, осязаемо, а с другой — ощущение вечности жизни. Хотя последние серии — с поэтом, с поездкой в Норвегию — не люблю, стараюсь их не просматривать и в романе Иванова, соответственно, не читать.

Любимая песня — «Вставай, страна огромная!». Специально ее, конечно, не слушаю, но, если услышу, просто не могу выключить, слушаю до конца.

Любимое блюдо — пельмени. Можно и блины.

Любимый напиток — вода. Могут быть варианты в зависимости от времени суток, но это — перво-

Любовь — как имя существительное...

10 ВОПРОСОВ САМОЙ СЕБЕ. ТЕТ-А-ТЕТ № 111

1. Журналистика — это...

— Это жизнь во всех ее проявлениях: Те, кто думает, что журналистика — это вдохновение и почет, ошибаются. Журналистика — это тяжелый труд, который под силу далеко не каждому: ненормированный рабочий день — часто без выходных, бессонные ночи и отчаяние. И редкие минуты славы. Журналистика — это и профессия, и призвание приходить на помощь людям, нести им добро. Эта редакционная традиция в моей работе звучала рефреном.

Журналистика — это и моя самая большая любовь, которой я не изменяла никогда.

Журналистика — это еще и дар божий. Может, это звучит высокопарно, но я очень не люблю нетворческих людей, которые занимаются творческой работой.

2. Почему Вы пошли в журналистику?

— Выбор профессии был не случайным. С ранних лет писала стихи, небольшие рассказы, а мои сочинения учитель литературы часто зачитывал всему классу и отправлял на конкурсы.

Некоторые мои заметки еще в школьные годы печатались в районной газете «Маяк» г. Красноармейска Донецкой области, куда меня и приняли литсотрудником в отдел писем сразу по окончании школы. Вчерашней школьнице хотелось романтики, общения с людьми, более глубокого понимания окружающего мира. В общем, сценарий своей жизни писать самой. И такую возможность дала журналистика.

В профессии я 50 лет. Пришлось поработать и в центральных СМИ, и в региональных. Но всегда считала: человек, прошедший школу городской, региональной журналистики, стоит всех тех, кто сразу взлетел к самым звездам. Умение работать с фактами, слушать собеседника, чувствовать то, что переживает он, — все это благодаря газете.

Любовь Ключева, редактор спецпроектов городской газеты «Калининградская правда», город Королёв, Московская область

Время работы в «Калининградке» я воспринимаю и как собственный журналистский триумф — мои работы часто побеждали на конкурсах профессионального мастерства. Это окрыляло и придавало сил. Газета научила меня ответственно относиться к слову, пропускать чужую боль через сердце.

3. Кого из героев материалов Вашего издания Вы помните и почему?

— Мне везло на хороших людей. Таких героев было немало. С некоторыми дружу по сей день. Совсем недавно в газете «Калининградская правда» вышло мое интервью — очень трогательные, до мурашек, воспоминания Лидии Ивановны Карзовой о блокадном детстве в Ленинграде. Ей было всего 6 лет, но она помнит все до мелочей. Какая-то удивительная жизненная сила была у этих людей. Пройдя через боль, страх и голод,

Корреспонденты молодежной редакции на приеме в городском комитете комсомола. 1980 г.

Лауреат региональной премии Виктора Мельникова 2013 г.

Коллектив редакции газеты под руководством гл. редактора Татьяны Захаровой (вторая справа в первом ряду, рядом — Любовь Клюева). 1999 г.

Призеры фестиваля СМИ «Вся Россия» в Сочи. Справа — Любовь Клюева.

Приезд в газету художественного руководителя Государственного академического Малого театра Юрия Соломина с особенной просьбой — помочь отыскать его любимую сбжавшую овчарку Маклая. 2007 г.

Резюме

- В журналистике более 50 лет. Путь в профессию начался с районной газеты «Маяк» г. Красноармейска, Донецкой обл. Работала корреспондентом на предприятии ЦНИИмаш в объединенной редакции ЦУП (Центр управления полетами) г. Королёва; заместителем гл. редактора газеты «Калининградская правда»; заместителем гл. редактора журнала «Подмосковье».
- 20 лет возглавляю Королёвское отделение СЖ Подмосковья. 20 лет — член правления СЖ Подмосковья. Ветеран труда.
- Награждена в 1981 г. грамотой ЦК ВЛКСМ. В 2006 году — Почетным знаком Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом». Отмечена Почетной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, грамотами Губернатора Московской области. В 2024 г. — Лауреат премии «Золотое перо России».

она не только выжила, но и дожила почти до 90 лет. После публикации материала неожиданным сюрпризом для редакции оказалось электронное письмо из Санкт-Петербурга от внука Лидии Ивановны. Оказывается, его друзья-москвичи переслали ему эту публикацию.

Внук очень просил выслать ему номер газеты. Они с женой собирают семейный архив о своих бабушках. К тому же прерогативу отдают бумажному варианту. 21 мая я еду в Питер на форум «Диалог культур» договорились встретиться с ним. Отрадно, что «Калининградку» ждут в городе на Неве. Так что журналист, работающий в газете, — вовсе не вырождающаяся профессия.

4. Вы считаете себя свободным от самоцензуры?

— Свободна в выборе темы, в подаче материала к сожалению, нет.

5. Что (или кто) помогает не терять веру в себя и в профессию?

— Мои читатели и коллеги. Горжусь тем, что практически с нуля возродила в своем городе работу

местного отделения Союза журналистов, и вот уже больше 20 лет местное сообщество оказывает мне доверие стоять у руля.

Благодаря большой и кропотливой работе СЖ Подмосковья, членом правления которого я являюсь уже не один десяток лет, многим журналистам со стажем заслуженно было присвоено почетное звание «Ветеран труда».

Моя жизнь — это прежде всего любовь. Все, что я делаю, связано со словом «люблю». Для меня оно — как имя существительное, а остальное все — прилагательные.

Мои коллеги и друзья часто говорят: «Когда Люба заходит в комнату, первой заходит ее улыбка». В людях больше всего ценю искренность и порядочность. Я никогда не сделаю другому человеку ничего исподтишка. Стараюсь прощать тех, кто стал причиной неприятностей и переживаний; возможно, поэтому я в конце концов выхожу победительницей из самых непростых обстоятельств.

Нина Иванова — журналист «КП», ныне главный редактор журнала «Сделай шаг», руководитель медиалаборатории и благотворительного фонда «Даунсайд Ап»

«Представить «Калининградку» без Клюевой — все равно что Спасскую башню — без курантов. Сопровождая в стремительном потоке информации читателей нашей газеты, она не только шагает в ногу со временем, но и в каком-то смысле является его голосом. Этот голос почти всегда энергичен и бодр, не желающий покоряться обстоятельствам в сочетании с легким и веселым нравом, мягок и лиричен — в точности, как и сама Любовь Алексеевна.

Стремление помочь человеку, оставить добрый след на земле, наверно, передалось мне от деда — купца и мецената Алексея Федорова, который на свои средства помогал строить дома односельчанам.

Много лет «Калининградка» проводила акцию «Под знаком доброты». Журналисты шефствовали над школой 21 для детей со слабым развитием. Мы ходили к ним в гости, читали стихи, покупали необходимую учебную технику.

Международная конференция журналистов, г. Владивосток.

На снимке слева на право: делегация из Подмосковья — гл. редактор газеты «Орехово-зுவская правда» Наталья Агафонова, в центре — Любовь Клюева, гл. редактор районной газеты «Время» г. Щелково Владимир Симонов. 2012 г.

Вот уже восемь лет по моей инициативе в городе проходит сиреневый праздник — благотворительная акция журналистов «Я буду вечно петь сирень».

На свои средства мы покупаем сортовые кусты сирени в Тимирязевском питомнике и украшаем наш любимый наукоград, который великий конструктор Сергей Павлович Королёв хотел видеть самым красивым городом Подмосковья.

Елена Александрова, выпускающий редактор Издательского дома «Бизнес-Диалог Медиа»

— «Калининградка» и наш родной СЖ подарили мне Сирень! Я с радостью присоединилась к акции в самый первый раз и старалась не пропустить ни одной. И теперь горжусь тем, что посаженная сирень, к которой и я приложила руки, украшает разные уголки родного города. Скоро она буйно зацветет, а я уже, честно говоря, жду следующего! Потому что истинно ценно для человека то, к чему он сам прикладывает усилия! Это тот подарок, помимо новостей и публикаций, который мы можем дать горожанам.

6. Если не журналистика, то...» — или Где Вы еще можете принести пользу?

— Наверное, смогла бы быть неплохим адвокатом. Моей любимой «Калининградке» — 90 лет. Естественно, менялись редакторы. Всего их было 13. Из них в мою бытность 7 человек. И не всегда с их приходом жизнь в коллективе менялась к лучшему.

И мне, рожденной под огненным знаком Льва, с боевым характером и стремлением никогда не сдаваться перед трудностями, нередко приходилось быть своеобразным громоотводом в редакции, защищать интересы коллектива, честь и достоинство журналиста, даже в судебном порядке. И выигрывать.

Могла бы быть агрономом. Люблю землю. На даче сама выращиваю овощи. Особенно удаются томаты. И пока они созревают, вся улица у моей теплицы. Показываю, рассказываю и угощаю... Секретов у меня нет.

7. Как Вы отдыхаете?

— Интересно! Я дачница со стажем. Мое короткое подмосковное лето начинается в мае и заканчивается с отлетом журавлей. Для меня это сигнал — пора собираться в Пятигорск. Люблю Северный Кавказ, море.

Морей, благодаря Союзу журналистов, я повидала немало. Черное, Балтийское, Средиземное и даже Тихий океан. Путешествия — вторая моя страсть.

8. Какие хулиганские поступки Вы совершали в детстве или юности?

«Коломбина». Можно так назвать одну из наших выходок детства. На колхозных полях почему-то казалось все вкуснее, чем на своем огороде. В нескольких метрах от дома, ближе к речке, всегда созревали первые колхозные помидоры — крупные, мясистые и очень вкусные.

Полакомиться соблазн был большой. Решили с ребятами сделать набег. Быстренько нарвали красных плодов — и бегом обратно, чтобы никто не увидел. Но у дороги нас уже ждал сторож. Мы врассыпную...

Пятилетний братишка Алеша испугался и остановился, крепко придерживая приподнятый подол девичьего платья, которые он донашивал после нас. Представляете, что увидел сторож?

— Иди-ка сюда, Коломбина, позвал он его, преодолевая смех. Конечно, маленького воришку он отпустил. Но кличка Коломбина осталась надолго.

9. Ваше самое яркое воспоминание?

— Как писал Жан Жорес, «воспоминания должны нести из прошлого огонь, а не пепел». Зажигательным огнем как раз и был период моей юности. В 1980-е годы я работала корреспондентом на предприятии ЦНИИмаш в объединенной редакции ЦУП (Центр управления полетами).

Это было прекрасное время. Победные годы пилотируемой космонавтики. Годы моего профессионального становления и человеческого познания, работа и общение с великими учеными, космонавтами.

Параллельно я возглавляла и молодежную редакцию при городской газете «Калининградская правда». Мы выпускали с ребятами молодежную страницу «Комсомолец Калининграда». Она была признана одной из лучших в области.

Столица российской космонавтики в те годы была закрытым городом. Тем для статей в газету было не так много.

Мы придумали совершенно новую форму общения с читателем — устные выпуски газеты в клубах, Дворцах культуры, на агитационных площадках во дворах, в общежитиях. Рассказывали жителям о газете, о себе, отвечали на вопросы.

А в школе для слепых детей, читая свои собственные стихи, можно было даже не объявлять имена — ребята узнавали нас по голосам. Это всегда трогало до слез. За свою работу я была отмечена Грамотой ЦК ВЛКСМ.

В апреле 1998 года возглавила редакцию Татьяна Захарова, одна из активных членов нашей молодежной редакции. Я стала ее заместителем. Собственно говоря, коллектива и не было.

Пришлось нам вместе по крупицам, по зернышку, по человечку собирать журналистов и внештатных авторов.

Цели были поставлены амбициозные — сделать «Калининградскую правду» лучшей газетой Московской области. И мы это сделали.

В 2000 году «Калининградка» стала самой тиражной городской газетой России. Четыре года подряд нам вручали победоносную Нику «Тираж года». Для многих газета стала стартовой площадкой в большую журналистику и при этом навсегда осталась самой главной в жизни.

Запомнился и приезд в газету художественного руководителя Государственного академического Малого театра Юрия Соломина с особенной просьбой — помочь отыскать его любимую сбежавшую овчарку Маклая, с которым он не раз снимался в кино.

Поскольку его дача находилась на окраине Королёва, то наше оперативное «SOS» разлетелось коллегам соседних городов. И мы нашли собаку! В благодарность за это Юрий Мефодьевич не раз приглашал коллектив редакции к себе в театр на спектакли.

2023 год. Вышла моя книга, посвященная 90-летию газеты «Калининградская правда» — «На первой полосе истории».

Мне захотелось, чтобы история моей любимой газеты, которой я отдала не один десяток лет жизни, биографии журналистов, которых я хорошо знала, работала вместе с ними, стали достоянием нашего города Королёва.

Каждый раздел требовал к себе особого внимания, раздумий, поисков. Проект удался. Книга сделана. Я счастлива

10. Ваши любимые: книга, фильм, песня

— Не могу назвать кумиров. Люблю классиков: Ивана Бунина, Антона Чехова, Льва Толстого...

Из поэтов — Бориса Пастернака.

Любимый фильм — «104 страницы про любовь».

Песня. Мое детство прошло на Донецкой земле.

Песня, которая и сегодня берedit душу, — «Ноченька, лунная, звездная ясная...»

Софья Милютинская: «Мы не должны покупать аудиторию красивыми фантиками»

10 ВОПРОСОВ К САМОМУ СЕБЕ. ТЕТ-А-ТЕТ № 112

Журналистика — это...

— Гадкий утенок в руках равнодушного и красавец-лебедь в руках человека с горячим сердцем. Лебедь растёт трудно и долго. Нужны годы тренировочных полетов, чтобы окрепли его крылья. Так, несколько лет жизни редакция потратила на то, чтобы убедить аудиторию: каждый, даже нежурналист, может вместе с нами делать что-то интересное для детей. Невозможного меньше, чем кажется. И люди откликнулись. В редакции всего пятеро штатных сотрудников, включая художника и верстальщика. Но теперь каждый номер вместе с нами делает огромная команда внештатников — взрослых, студентов, школьников и даже дошколят.

Причем взрослые — совершенно разных профессий. Они ведут игровые рубрики, рисуют, дают мастер-классы, помогают проводить праздники и акции. Но главное — вера людей в редакцию стала такой крепкой, что одним лишь постом мы собрали, например, большую команду мастеров для фестиваля рукоделов.

Или более тысячи книг для детей Херсона. Или почти двести тысяч на лечение больной девочки. Или (в период пандемии) почти четыреста килограммов продуктов для бабушки, которая в одиночку растит четырех внуков.

Сила журналистского слова очень велика. Но только если сам журналист работает честно.

Почему Вы пошли в журналистику?

— Уточню: пошла именно в детскую журналистику. Потому что верю, что мальчишкам и девчон-

кам, помимо школы, кружков, секций, нужна совершенно особая площадка для творческой реализации.

Этакий центр, где востребован любой ребенок: здоровый и с особенностями, способный и бесталанный, общительный и замкнутый, благополучный и нет...

У редакции есть правило — не оставлять без внимания ни одно письмо. А их в день до ста приходит.

Даже если это просто ответ на игровую рубрику, все равно пишем: «Молодец, все верно, увидишь свою фамилию в таком-то номере».

Словно мимоходом, спрашиваем: «Увлекаешься ли чем-то еще?» И ни один адресат «по ту сторону почты» не промолчал в ответ.

Помните стихи Валентина Берестова? На вопрос о том, кто умеет рисовать, сначала поднимали руки все первоклассники. А со временем «лес» редел, редел — и через несколько лет исчез.

Задача детской журналистики как раз в том, чтобы ухватить момент, когда рисовать, писать, сочинять, творить умеют все. Не дать опустить руки.

Кого из героев материалов Вашего издания

Вы помните и почему?

— Почти всех. Потому что за каждым стоит история. Бабушка Маша из села Дубовое каждое утро печет блины и дарит хорошим людям. Мальчишка Сашка из города Задонска играл на аккордеоне своему псу, чтобы тот быстрее рос.

Дед Сеня из Чаплыгинского района, которого в годы войны репой выкормил учитель Смирнов, до последнего дня своей жизни выращивал эту самую репу на своем огороде.

Юный липчанин Семен с особенностями здоровья, участвующий в концертах для больных паллиативного отделения...

У каждого, у каждого своя история. Но бывает, именно публикация делает эту историю счастливой.

Так, долгое время я вела рубрику о подростках, которые оказывались в трудных обстоятельствах. Как правило, это были ребята из неблагополучных семей. Но как-то раз ко мне обратился старшеклассник, который рос в хорошей семье.

Образованные, интеллигентные родители, двое

сыновей. Старший — отличник, спортсмен, олимпиадник. А младший (он и обратился в редакцию) — троечник.

Видимо, желая подтолкнуть его к успеху, мама и папа постоянно ставили в пример старшего брата. Эффект получился обратный — мальчишка замкнулся и совершенно потерял веру в себя. К счастью, кто-то из знакомых убедил его прийти в редакцию.

Мы разговаривали несколько часов. И в конце концов Витя вытащил из сумки тетрадь, исписанную собственными стихами.

Это были прекрасные стихи — тонкие, красивые, глубоко личные. Младший брат оказался ничуть не менее талантлив, чем старший. Но, убежденный в обратном, стеснялся показать свое творчество.

Витя разрешил опубликовать два своих стихотворения. И историю о нем самом — правда, под псевдонимом.

Вскоре после печати позвонила его мама. Состоялся трудный разговор, но мы поняли друг друга. Общаемся до сих пор, и отношения Вити с родителями действительно наладились.

Убеждена, что, по сути, почти каждый человек может стать героем журнала. Ведь у всех нас есть случаи, которые чему-то нас научили. Так почему же они не могут научить других?

Вы считаете себя свободной от самоцензуры?

— Нет. Если человек свободен от самоцензуры — лучше взять паузу в профессии.

Хотя в профессии детского журналиста самоцензура иногда выглядит со стороны довольно забавно.

Ведь нам всегда нужно помнить, что читать материалы будет ребенок. Мало того, чтобы язык был простым, понятным и интересным. Нужно постоянно, из публикации в публикацию, объяснять, казалось бы, очевидные вещи.

Не просто «война», а «Великая Отечественная война». Не «А.С. Пушкин», а «Александр Сергеевич»...

Многие взрослые думают, что дети что-то должны понимать по умолчанию, «это же элементарно».

Но откуда возьмется копилка знаний, если мы что-то будем опускать как очевидное?

Если не журналистика, то...

— Наверное, педагогика. Очень люблю детей и хорошо понимаю, что мы строим их будущее. Вообще, личное общение с мальчишками и девчонками на любую тему можно превратить в урок.

Нас иногда спрашивают: мол, зачем в «Золотом ключике» много «посторонней деятельности» — праздников, мастер-классов, конкурсов?

Официальный ответ: для развития брэнда, расширения лояльной аудитории, точного понимания интересов своих читателей. Для имиджа, наполнения соцсетей уникальным контентом. Для рекламы, наконец.

Неофициальный: плюсом ко всему сказанному дети, общаясь с редакцией, участвуя во всех «движухах», получают прививку от безвкусицы, праздности, узости кругозора. Мы не должны покупать аудиторию красивыми фантиками. Это сродни

уборки в огороде, когда ты не вырываешь сорняки с корнем, а обрываешь только верхушки. Аудиторию нужно растить, воспитывать, создавать. Может быть, со стороны это кажется наивным. Но «Ключику» уже тридцать лет.

Как Вы отдыхаете?

— Во-первых, путешествую. Особое место силы — северный лес, с могучими елями, черникой, брусничкой, толстым слоем мха под ногами.

Путешествуем семьей на машине. В принципе, не люблю комфортабельные дома отдыха. Для меня лучше туристическая база или поход.

Во-вторых, пишу повести для подростков. Правда, это увлечение недавнее. В годы пандемии подхватила ковид. К счастью, в легкой форме. Но когда села на долгий больничный, подумала: «Зачем-то это время дано...»

Так, собственно, появилась повесть «Этвас», которую я наудачу отправила в одно из московских издательств. Несказанно обрадовалась, когда в ответ пришло предложение заключить договор! Скоро из типографии выйдет вторая повесть. Да, еще вяжу шарфики и дарю их хорошим людям. И играю на гитаре.

Какие хулиганские поступки Вы совершали в детстве или юности?

— В целом, я росла довольно прилежным ребенком, специально не хулиганила. Хотя однажды нацепила противогаз, взяла веник и вышла на балкон петь песни — таким образом мы с братом снимали еще на пленочную камеру фильм ужасов. Все бы хорошо, мы жили на четвертом этаже, а в противогазе громкость не ахти. Но на соседний балкон вышла бабушка Маша. И сказала, что у меня получается «отличная хрю-хрю». Запал пропал, а пленка хранится до сих пор.

Ваше самое яркое воспоминание?

— Их много. Вот одно, из детства. Каждый день после школы меня встречала дома бабушка Галя, мамина мама. И, пока я обедала, она читала вслух книги Виталия Бианки. Вдохновенно, нараспев, переживая каждую строку. Мы с братом прекрасно могли читать сами и все равно с большим удовольствием слушали. Но одну повесть бабушка хоть и любила, но читать не могла. «Карабаш» — о большом псе, воспитанном

бездомной девочкой. Псе, который пожертвовал своей жизнью, спасая хозяйку от бешеной собаки. Бабушка знала повесть наизусть. Но всегда, читая последние главы, плакала — ей было по-настоящему больно.

Теперь, приезжая в северный лес, иногда ловлю себя на мысли: здесь оживает голос бабушки Гали, которая уже давно не читает никому вслух.

Ваши любимые: книга, фильм, песня, блюдо, напиток?

— Напиток — облепиховый чай или простой травяной, но не в пакетиках. Тогда он дарит что-то настоящее, что мы забыли в погоне за комфортом. Любимых блюд нет. Я довольно ограниченный кулинар и такой же гурман. А в дни творческого запала или сложной задачи вообще не очень замечаю, что ем. Но ценю и уважаю тех, кто умеет и любит готовить.

Книг — несколько: «Три товарища» Эриха Марии Ремарка, «Мурзук» Виталия Бианки и «Небо с овчинку» Николая Дубова. Вообще, люблю детскую прозу и постоянно беру книги в библиотеке. Фильм — «Мужики». Как история понимания своего жизненного пути, ошибок. История о том, что любовь должна быть длиннее жизни. Песню люблю бардовскую, но исконную, глубокую. Владимира Высоцкого, Юрия Визбора, Олега Митяева. Любимая — как раз митяевская «Просыпаясь, улыбаться». Особенно строки куплета: «Но эта жизнь немая — не моя, и я вернусь, когда-нибудь вернусь. Вы только зажигайте вовремя маяк и никогда вином не запивайте грусть...»

&

РЕЗЮМЕ

Софья Милютинская — главный редактор детского журнала «Золотой ключик» Издательского дома «Липецкая газета».

Стаж работы в детской журналистике — 20 лет.

Образование: высшее техническое и высшее гуманитарное.

Победитель 24 всероссийских журналистских конкурсов.

Автор художественных повестей для подростков

и документальной книги о маленьких героях Великой Отечественной войны.

Руководит детским региональным изданием «Золотой ключик» 6 лет. За это время преобразовала его из газеты в журнал, который стал не только чтивом, но и площадкой общения взрослых и детей.

Дмитрий Фуфаев,
профессиональный фотограф,
фотожурналист. Член Союза
журналистов Санкт-Петербурга
и Ленинградской области.
Лауреат премии
«Золотое перо России — 2024»

Мне всегда нравилось снимать что-то необычное и запоминающееся. Подмечать интересные детали, находить необычные ракурсы — этот творческий процесс доставлял мне большое удовольствие.

Как-то раз мой друг Сергей Комелов сказал: «У тебя хорошо получается, тебе нужно пойти учиться и развиваться в этом направлении». Я решил последовать его совету и искал возможности для обучения фотографии.

Тогда, на заре цифровой эпохи, передо мной стоял выбор: купить ли мне просто цифровой фотоаппарат («мыльницу») или сразу приобрести более профессиональный вариант — зеркальную камеру.

Так как я православный, верующий человек, решил обратиться за советом к духовнику. На мой вопрос он ответил: «Если купишь «мыльницу», так с ней и останешься. А если купишь зеркальную камеру, станешь профессионалом». Так был сделан выбор.

Однажды мне на глаза попала рекламная статья о наборе на Факультет фотожурналистов имени Ю.А. Гальперина при Санкт-Петербургском Союзе

КАК Я СТАЛ ФОТОКОРОМ

До того как стать профессиональным фотографом, я увлекался фехтованием и был каскадером боевых сцен, снимался в художественных и документальных фильмах. В те времена я везде носил с собой ультракомпактный пленочный фотоаппарат

журналистов. Пройдя вступительные экзамены, я поступил. Моим первым учителем был декан Фотофакультета Павел Михайлович Маркин, он передал свой опыт и научил меня основам профессии.

Обучение длилось два года. Во время обучения к нам приходили проводить мастер-классы разные фотографы, и там я познакомился с мастером рекламной студийной фотографии Игорем Сахаровым.

На примере своих работ он рассказывал о приемах, которые он использует во время съемок в студии, мне это очень запомнилось.

Уже в начале обучения на втором курсе я решил попробовать себя в роли фотожурналиста.

Стал звонить в редакции городских газет, узнавая о вакансиях. Третий звонок оказался результативным. Меня спросили: «Пойдете к нам в штат?» Я ответил: «Конечно!» и на следую-

ший день уже приступил к первому заданию. Это было в сентябре 2007 года.

После прохождения испытательного срока я по сей день работаю в издании Правительства Санкт-Петербурга «Петербургский дневник». Постепенно у меня стали появляться заказы на фотосъемку не только от частных лиц, но и от разных организаций. В том, числе, от правительственных структур. Однажды личный фотограф губернатора Санкт-Петербурга познакомил меня с одним из старейших фотожурналистов нашего города — руководителем Фотолетописи России Валерием Николаевичем Лозовским, и благодаря этой встрече я стал постигать особенности мастерства при съемке людей, особенно мне это пригодилось на официальных мероприятиях. Много часов мы разбирали на примерах, как правильно кадрить, как выбирать ракурс. Валерий Николаевич научил меня видеть кадр и относиться к нему с любовью и уважением к тем, кого я снимаю.

Одним из моих учителей, обучение у которого внесло свой вклад в мою профессиональную деятельность, стал Сергей Новожилов. Я прошел полный курс фотомастерства в его Школе свадебной фотографии. Обучение проходило в Москве, куда я ездил по выходным. Там я получил важные для меня знания, научился правильно работать со светом, придавая фотографии дополнительный объем. Через 8 лет после окончания

обучения, чтобы повысить свои профессиональные навыки, я прошел у Игоря Сахарова курс по студийной рекламной фотосъемке.

На сегодняшний день за плечами многолетний опыт работы на мероприятиях разного уровня: на крупных международных форумах, конференциях, выставках, официальных и деловых встречах, концертах, спортивных мероприятиях, семейных торжествах и не только. Мои фотографии можно увидеть в газетах и журналах, в книгах и альманахах, на улицах нашего города, в музеях, и даже на монетах. Выставки с моими работами проходили в Санкт-Петербурге, в других городах нашей страны и в разных странах мира.

Мне действительно нравится то, чем я занимаюсь. Диапазон моих интересов в фотографии довольно широкий. Меня всегда привлекали художественные фотографии с видами нашего города, сделанные разными мастерами. Когда сам стал фотожурналистом, мне уже много лет нравится работать в жанре городского пейзажа, это одно из самых моих любимых направлений.

По долгу своей профессии я часто бываю в красивых особняках, дворцах, и постепенно меня заинтересовала интерьерная фотосъемка. Со временем появились клиенты, у которых был запрос на интерьерные фотографии.

Мне так нравятся эти направления, что уже несколько лет я провожу мастер-классы по архи-

тектурной и интерьерной фотографии. Безусловно, очень люблю снимать портреты, а также свадьбы и венчания. Среди коллег-фотожурналистов свадебная фотография считается не очень почетным жанром. Но, пройдя обучение по этому направлению у Сергея Новожилова, я понял, что это далеко не так.

Ведь съемка свадеб может включать в себя многие направления, такие, как репортажный и постановочный портрет, репортажная предметная, архитектурная и интерьерная фотосъемка. Обучение мастерству свадебной фотографии расширило мои возможности как фотожурналиста и обогатило мой профессиональный багаж.

Огромный вклад в мое становление как фотожурналиста внесла моя многолетняя работа в газете «Петербургский дневник». Она подарила множество ярких профессиональных моментов. Одним из них на протяжении многих лет стала фотосъемка Валентины Ивановны Матвиенко, когда она была Губернатором Санкт-Петербурга и когда она заняла должность Председателя Совета Федерации, чем очень дорожу.

Еще одним из самых запоминающихся случаев в моей профессиональной практике стала фотосъемка скульптурной композиции «Колесница Славы» на арке Главного штаба на Дворцовой площади. На тот момент наша газета выходила раз в неделю. На ее страницах была рубрика «Фотофакт».

Здесь публиковались интересные кадры, отображающие жизнь города. Я часто проходил по Дворцовой площади и смотрел на Колесницу Славы, всегда мечтал оказаться рядом с ней и сфотографировать ее. Но как к ней попасть поближе? Задача не из легких. И вот удача улыбнулась мне. В то время половина арки Генерального штаба была огорожена

забором, так как шли реставрационные работы. Проходя мимо, я увидел, что в заборе не хватает нескольких секций, и решил туда заглянуть. Увидел траншею. Перепрыгнув через нее, заметил рабочего. Показал свое удостоверение фотожурналиста и сказал ему: «Я работаю в газете Правительства Санкт-Петербурга», и мне нужно сфотографировать Колесни-

цу Славы. Как туда пройти?». Он ответил: «Пойдете прямо, поверните налево, потом увидите второй подъезд. Там поверните направо и по лестнице наверх». Я отправился по маршруту, который он мне описал, но по пути перепутал подъезд. Открыв дверь, оказался на совещании руководителей стройки. Я уже было решил, что не полу-

чится сделать заветный кадр, потому что они могли меня не допустить, так как не было официального согласования съемки, я оказался там случайно, просто проходя мимо, но я не растерялся и, снова показав удостоверение, сказал, что мне нужен 2-й подъезд с лестницей наверх. Они ответили, что я просто не дошел. Внутри меня все ликовало, оттого что мне удалось сде-

лать почти невозможное! В итоге мне удалось найти верный путь на крышу. Там было множество рабочих. Сама Колесница располагалась на дополнительном возвышении высотой порядка 6 метров. Взобравшись по лестнице на возвышение, оказалось, что расстояние от первого коня до его края очень маленькое. А кони колесницы выше человеческого

роста. Встав на краю, я понял, что нет возможности сделать желаемый снимок одним кадром. Так я решил отснять несколько кадров и «сшить» из них панораму. Впоследствии эта фотография была опубликована в рубрике «Фотофакт». С тех пор это стало одним из приемов, которых я придерживаюсь: если нет возможности охватить объект одним кадром,

снимаю несколько и затем «сшиваю» их в панораму. Этот прием может пригодиться не только в работе над пейзажами, но и, например, с групповыми портретами. Именно так я сделал групповой портрет, на котором изображено 600 человек. Также один из главных приемов, которые я использую, — это работа с выносным светом. Когда есть возможность, всегда стараюсь брать с собой дополнительное оборудование для работы над освещением в кадре, так как вспышки на камере часто недостаточно для интересного кадра. Кроме того, я люблю использовать длиннофокусные объективы. Они необходимы для фотосъемки городских пейзажей и архитектурных доминант Петербурга с удаленных расстояний. Поднимаясь на крыши, мне нравится показывать город с необычного ракурса.

В целом, я считаю, что профессия фотографа и фотожурналиста — очень интересное дело.

Чтобы добиться в нем успехов, важно обладать такими качествами, как смелость, коммуникабельность, пунктуальность и не только. Говоря о коммуникабельности, добавлю, что важно не бояться людей.

Когда я только начинал свой путь в профессии, мне было непривычно подходить к людям, чтобы о чем-то их попросить, спросить. Но со временем осознал, что ничего в этом страшного нет.

Зачастую люди открыты к диалогу. Также один из советов, ко-

торые я мог бы дать молодым фотографам: возьмите во внимание те направления фотографии, которые вам больше всего нравятся и обучайтесь по ним дополнительно.

Не жалейте ни средств, ни времени. Это послужит вам дополнительным толчком для развития. Поэтому, если говорить о том, как молодому фоторепортеру можно повысить свою профессиональную квалификацию, могу сказать, что важно обучаться.

Проходить специальные курсы, наблюдать за более опытными коллегами, знакомиться с работами уже признанных мастеров — все это плюс постоянное оттачивание полученных навыков на практике обязательно дадут свои плоды.

